

# ОТЕЦ ФЕОНА

МОНАХ-СЫЦНИК

АНАТОЛИЙ ЛЕОНОВ

Тайна  
ПСАЛТЫРИ

Отец Феона. Монах-сыщик

Анатолий Леонов

**Тайна псалтыри**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Леонов А. О.**

Тайна псалтыри / А. О. Леонов — «Эксмо», 2019 — (Отец Феона. Монах-сыщик)

ISBN 978-5-04-102209-9

1620 год. Отец Феона преподает в монастырской школе. Однажды один из послушников показывает ему старую псалтырь с зашифрованным текстом. Феона предполагает, что именно здесь кроется разгадка самой мрачной тайны Ивана Грозного, и просит книжного хранителя дать ему псалтырь на время. Но послушник не соглашается. Утром его находят мертвым, а книга загадочным образом исчезает. Отец Феона, в прошлом руководитель русского уголовного сыска, берется расследовать эту странную смерть. Очень скоро он понимает, что в этом деле ему противостоит умный и жестокий противник, для которого цель оправдывает любые средства.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102209-9

© Леонов А. О., 2019  
© Эксмо, 2019

## Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# Анатолий Леонов

## Тайна псалтыри

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2019

\* \* \*

*Моему ангелу, моей жене, посвящается эта книга!*

## Пролог

Лета 7042 от сотворения мира<sup>1</sup> зима на Устюжской земле выдалась особенно суровой и долгой. В апреле месяце еще трещали лютые морозы. Снег лежал в два аршина и не сошел даже после Великого поста, а реки стояли скованные льдом до самой Троицы. Старики качали головами и пророчили беду. По весне дозорные начали сообщать о конных татарских разбегах, малыми отрядами рыскающих по округе. Сказывали, что искали они тайные тропы в лесах и броды на реках, а помогали им местные зыряне, не шибко «московских» людей жаловавшие.

Пару лет назад казанцы уже приходили к Устюгу, неожиданные. На Дымкове сожгли тогда две церкви и более семидесяти крестьянских дворов. Поглумились татары весьма свирепо. Пресытившись же кровью и добычей, домой возвращались уже через Вятскую землю. Но на реке Моломе под городом Котельничем угодили в засаду русского войска, перекрывшего устье этой реки. Сеча была жестокая. Из четырех тысяч татар не уцелел никто. Всех порубали разъяренные вятчане, поминая им и прежние обиды, и нынешние преступления. Убежать удалось только луговым черемисам, бывшим с татарами, которые лесами ушли к реке Пижме, в Казанские пределы.

Два года о татарах в этих краях было не слышно, но их ждали. Понимали, что придут, и принимали меры. В считанные месяцы поднялись над городом новые стены. Мощные и неприступные. Брать такие города татары просто не умели, но оставались еще беззащитные посады и многочисленные села, отстоящие от города порой на сотни верст. Надо было решать, как спасти крестьян. А времени оставалось мало. Зимой они не напали. Ранней весной не пришли, значит, пережидали конца половодья на реках, когда большая вода бурным потоком поднималась на несколько сажень, смывая на своем пути целые деревни со всеми жильцами, скарбом и животиной. Идти в набег в такое время могли только глупцы, а татары, может, и были сумасшедшими, но уж глупцами не были точно.

Они придут летом. Как саранча, заполняя собой все пространство. Обходя стороной неприступные города, не вступая в бой с русскими воеводами, выжигая посады и деревни. Грабя, насилуя и убивая.

Еще долгих два десятка лет московское правительство не могло усмирить свою мятежную, отложившуюся «казанскую Украину», так счастливо замиренную некогда великим князем Василием III<sup>2</sup>. Лишь полное присоединение Казанского ханства смогло изменить обстановку на южных и восточных рубежах Русского государства. Единый строй враждебных ханств был разорван; за Казанью последовала Астрахань, после чего Русское государство смогло наконец сосредоточить основные силы для борьбы с Крымским ханством. Но все это будет потом, а пока...

---

<sup>1</sup> 1534 г. от Р. Х.

<sup>2</sup> Государь и великий князь всея Руси в 1505–1533 гг. Отец Ивана IV Грозного.

## Глава 1

Устюжский наместник, степенный, тучный князь Михаил Данилович Щенятев<sup>3</sup> сидел в светлой горнице за большим обеденным столом и, важно раздувая щеки, строго смотрел на своих домочадцев. По правую руку, рядом с ним, скромно сложив ладони лодочкой, сидела его жена Мария Ивановна, урожденная княжна Горбатая-Шуйская. Женщина была чем-то расстроена или озабочена и не сильно обращала внимание на показную суровость супруга. Впрочем, и сам он, отхлебнув из серебряной чарки ставленого, сорокалетнего меда, разгладил седые усы и, крикнув от удовольствия, расслабленно откинулся на лавке, прислонившись к тесаным и ярко выкрашенным доскам стены. Морщины на его лице разгладились, и от былой суровости не осталось и следа.

– Ангел за трапезой, – пробасил он, осенив себя размашистым крестным знаменем.

– Предстоит! – неровным хором отозвались домочадцы, перекрестившись, глядя на богатый иконостас в красном углу, после чего замерли с ложками в руках, ожидая разрешения главы семейства приступить к застолью. А князь вместо этого с хитрым прищуром посмотрел на дочь, сидящую чуть поодаль от него, и как бы между прочим спросил:

– Ну что, Катька, замуж-то пойдешь? Впрочем, чего тебя спрашивать? – тут же махнул он рукой и, взяв в руки резную ложку, запустил ее в простое деревянное блюдо с дымящейся ячневой кашей «глазухой», густо обложенной парным черносливом и смоквой.

– Господи, благослови! – перекрестился он еще раз и кивком головы предложил собравшимся за столом начать трапезу.

Семнадцатилетняя девушка, зардевшись от смущения, закрылась пестрым платком.

– Ой, батюшка, стыдно-то как! – запричитала она, не открывая лица.

Тринадцатилетний Петька и восьмилетний Васька, сидевшие от отца по левую руку, перевесившись через край стола, стали смеяться и дразнить сестру, бросая в нее хлебные шарики. Князь облизал ложку от каши и, не меняя выражения лица, смачно треснул каждого из расшалившихся сынов этой деревянной ложкой по вихрастым лбам. Раскатистые, словно барабанная дробь, удары вмиг вернули порядок в трапезной. Озорные отроки разом затихли, прижавшись к стене, и, испуганно моргая, терли ладонями покрасневшие лбы.

Не считая нужным что-то объяснять сыновьям, князь только погрозил им пальцем и весомо изрек:

– За столом сидите, ироды. Порядком дом стоит, непорядком – содом! – После чего повернулся к жене и, словно продолжая уже начатый ранее разговор, произнес степенно, оглаживая богатую бороду: – К Катьке нашей князь Иван Федорович Бельский<sup>4</sup> сватается. Пишет, готов хоть завтра под венец. Что думаешь, мать? Отдадим девку?

Мария Ивановна взмахнула пухлыми руками и воскликнула высоким, срывающимся от тревоги голосом:

– Помилуй, Михал Данилыч, кормилец родненький! Слышала я, его на южные рубежи посылают. На татар окаянных. В самое пекло! А не ровен час убьют?

Князь нахмурился, удивленно посмотрел на жену и проронил сквозь зубы:

– Пустое, мать, городишь! Иван Федорович после кончины великого князя Василия опять при дворе в расположение вошел. Ленка Глинская<sup>5</sup>, хоть и курва литовская, прости Гос-

---

<sup>3</sup> Боярин и воевода на службе у великого князя Московского Василия III (умер в 1534 г.).

<sup>4</sup> Князь, боярин (с 1522 года). Троюродный брат царя Ивана Васильевича Грозного. Был женат на дочери боярина князя Михаила Даниловича Щенятева, от брака с которой имел одного сына Ивана (ум. в 1542 г.).

<sup>5</sup> Вторая жена Московского великого князя Василия Ивановича, мать Ивана Грозного, регент на время малолетства (ок. 1508 – 4 апреля 1538).

поди, а в людях разбирается. Князь теперь на Москве главный воевода, и в совете Верховном при малолетнем Иване чин не последний имеет, так что жених он отменный. А опасно теперь везде. У нас, че ли, тихо? Я зачем весь Устюг перерыл? Стены новые в четыре ряда мастерю? После того как в Казани крымский царевич Сафа-Гирей<sup>6</sup> сел, покоя нигде нет. От Владимира до Перми города заново строим. Оборону крепим.

Княгиня пожалала плечами и, не глядя на мужа, проворчала, упрямо поджав губы:

– Тебе, отец, конечно, виднее, но Бельские род ненадежный, случись чего, наша Катька ни за что ни про что под раздачу попадет...

Михаил Данилович озадаченно почесал бороду и ответил, с осуждением глядя на жену:

– Вы, Шуйские, Бельских всегда недолюбливали...

– Конечно, зато вы, Гедиминовичи, своих завсегда примечали и на выручку спешили! – парировала та, может быть, даже слишком резко, чтобы казаться простым проявлением материнского беспокойства.

Почувствовав это, князь обиженно поджал губы и ответил:

– Ну ведь нелепость говоришь, Маша! Мы с тобой двадцать лет в супружестве, троих детей вырастили. Сильно нам мешало?

Княгиня бросила быстрый взгляд на испуганную дочь, насупила брови и в сердцах махнула рукой:

– Ты, Михал Данилович, себя с родней-то не путай. У нас с тобой по любви все сладилось. Не забыл, как под моей светелкой ночами околачивался, а потом у отца вымаливал? Катька, отроковица еще, жениха в глаза не видела. А женишку пятьдесят годков стукнуло!

– Я все помню, – произнес князь, в сердцах хлопнув ладонью по столу. – Только негоже бабе мужу при детях перечить. Не вводи меня в грех, Маша. Не согласна – молчи. От Катьки много не требуется. Всякая невеста для своего жениха родится. Сперва стерпит, потом слюбится. А князь Иван – хороший человек. Зря не обидит...

Прислуживавшая за обедом ключница, маленькая, сухая, как вяленая вобла, бабка лет девяноста от роду, сопровождая слугу, несущего большую, дымящуюся кастрюлю с юрмой<sup>7</sup>, после слов князя даже крякнула с досады.

– Ты, Мишка, чего расхорохорился? – закричала она, подступая к князю и трясая маленькими кулачками, покрытыми старческими пятнами. – Не коня продаешь, а дочку замуж выдаешь. Тут обдумать все требуется. Чай, не на войне!

Увидев перед собой неожиданного противника, князь на удивление спокойно и миролюбиво пробасил:

– Ты, баба Дуня, не лезь, тебя это не касается. Сами разберемся...

– Как это не касается? – всплеснула руками бойкая старушка. – Ты, Мишаня, чего говоришь-то? Я у князя Данилы Васильевича<sup>8</sup> покойного, царствие ему небесное, почитай, полвека служила. Тебя чадушком голожопым на руках носила, а потом детей твоих пестовала, так что окстись, голос свой я здесь по праву имею...

Услышав слова старухи, Петька с Васькой, давась от смеха, захрюкали в рукава кафтанов, но, увидев строгий взгляд отца и деревянную ложку в его по-крестьянски крепкой руке, они тут же сменили выражения лиц с безудержного веселья на смирение и полное принятие неизбежного.

<sup>6</sup> Казанский хан (1524–1531, 1536–1546, июль 1546 – март 1549). Признал себя вассалом османского султана, предпринял ряд походов против Москвы (1536–1537, 1541–1542, 1548). Скончался в 1549 году при до конца не выясненных обстоятельствах. Карамзин пишет, что хан «пьяный убили во дворце».

<sup>7</sup> Древнерусское горячее блюдо, суп. Представляет собой смесь ухи и бульона из птицы.

<sup>8</sup> Даниил Васильевич Щеня Патрикеев (?–1519) – князь, знаменитый русский полководец времен Ивана III и Василия III, родоначальник князей Щенятевых.

Баба Дуня меж тем подошла к Катьке и, погладив ее по голове, добавила, глядя на князя старческими слезящимися глазами:

– Ты не спеши, Миша. Тут дело важное. Не ошибиться бы!

Князь Михаил устало махнул рукой, бросил на стол ложку, встал из-за стола и подошел к открытому настежь окну.

– Тут думать нечего. Все уже решено, – твердо произнес он. – Как сказал, так и будет, и ты, баба Дуня, мне воду не мути, а то в деревню отправлю, будешь кошкам о моем голозадом детстве рассказывать.

Упрямая старуха попыталась что-то еще возразить, но князь остановил ее жестом, заметив, как в ворота, гарцуя на разгоряченном скакуне, влетел взволнованный сын боярский Данила Загрязский, отвечавший в городе за строительство новых укреплений. Выпрыгнув из седла, он стремглав пронесся по двору и, стуча сапожищами по деревянным ступеням крыльца, вбежал в дом.

– Чего-то, Данила, примчался сам не свой? Видать, случилось чего? – произнес встревоженный князь, идя навстречу гостю.

Молодой человек влетел в горницу, едва не выбив лбом низкую притолоку двери. Округлив глаза от боли и почесывая ушибленный лоб, он поспешно перекрестился на иконостас, пробубнив скороговоркой:

– Господи, помилуй и прости мя, грешного! – После чего, отвесив низкий поклон князю и княгине, произнес взволнованно: – Мир дому сему! С праздничком вас, с Николой летним!<sup>9</sup>

– С миром принимаем! Спаси Христос, Данилка! – ответила княгиня Мария, заботливо прикладывая к шишке на лбу парня свинцовую стопку, взятую со стола. – Голова-то цела?

– Да цела, чего ей будет-то? – отмахнулся Загрязский и, повернувшись к застывшей за столом как соляной столб Катьке, поклонился ей учтиво и как-то по-особому любезно: – Доброго здоровья, Катерина Михайловна! Давненько не виделись!

– Вчера только, – нахмурившись, проворчал князь Щенятев, обратив внимание, как вспыхнули щеки и загорелись глаза дочери при виде статного широкоплечего красавца Загрязского.

– Что? – рассеянно переспросил Данила, отсутствующим взглядом поглядев на князя.

– Я говорю, вчера только расстались, – повторил Щенятев, возвращая своего помощника в настоящее, – ты лучше скажи, пристав, зачем с дверью бодался? Чего у тебя случилось?

Встрепенувшись, Загрязский вдруг вспомнил цель своего прихода и, освободив голову от пустых мечтаний, взволнованно доложил:

– Беда, Михал Данилыч! Артель мастеров, которая на Гледенской горе в монастыре работала, наткнулась на что-то. Копнули поглубже, обвал случился. Пятеро провалились в яму сажени<sup>10</sup> на три. Двоих насмерть завалило. Остальные вроде живы.

– Что значит – вроде, – возмутился Щенятев, поспешно набрасывая себе на плечи малиновую однорядку, подбитую куньим мехом, – а точно знать кто будет?

– Так спешил ведь, – оправдывался Данила, следуя за Щенятевым по пятам.

– Спешил, – передразнил помощника князь, двигаясь к двери, – ладно, на месте разберемся, поехали...

– Батюшка, – закричал тринадцатилетний Петька, бросаясь из-за стола наперерез отцу, – возьми меня с собой!

– Зачем? – спросил отец, удивленно глядя на Петьку.

– Я уже взрослый!

---

<sup>9</sup> Православный праздник в честь дня поминовения переноса мощей святителя Николая Чудотворца. Отмечается православной церковью 22 мая.

<sup>10</sup> Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

Князь Михаил подумал и согласно кивнул головой.

– Ладно, поехали. В конце концов, я в твоём возрасте с отцом у литвин Вязьму брал и на шведа под Выборг ходил.

– А я? А меня? – заныл младший Васька, порываясь выбраться из-за стола.

– А тебе рано! – ответила мать, усаживая его обратно.

Петька, поспешно на ходу надевая охабень, не удержался и, повернувшись к младшему брату, показал ему язык. От обиды Васька завыл пуще прежнего, размазывая брызнувшие из глаз слезы по упитанному, по-детски румяному лицу, но старший брат уже скрылся за дверью, сбегая вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Внизу их ждали оседланные лошади и команда городских казаков.

## Глава 2

Лет за сто допрежь того стоял в полутора верстах от Устюга на невысокой, плоской, как блин, горе, у слияния реки Юг с речкой Шарденьгой город Гледен, основанный здесь в незапамятные времена великим князем владимирским Всеволодом Большое Гнездо<sup>11</sup>. История города оказалась короткой и печальной. Река Сухона, долгое время подмывавшая и затоплявшая правый берег, на котором располагался Гледен, от весны к весне приносила его жителям немало бедствий. Бесконечные набеги чуди<sup>12</sup>, новгородцев и вятчан делали жизнь горожан невыносимой. Наконец долгая междоусобная война между московскими и звенигородскими князьями окончательно разорила древний город, и он прекратил свое существование. Часть жителей перебралась на Черный Прилук, в более удачливый и счастливый Устюг. Другая часть чуть поодаль брошенного города построила село Морозовицу. На самой же горе остался стоять только Троице-Гледенский мужской монастырь с полусотней насельников, посвятивших себя божьему служению.

С опаской перебравшись на другой берег Сухоны у Коромысловской Запани по рыхлому, с водяными пропlesiнами льду, небольшой конный отряд князя Михаила вдоль луговой поймы быстро добрался до монастыря. Поднявшись на горку, они увидели большой проем в стене у Святых врат<sup>13</sup>, около которого суетились люди. К тому времени артельщики и монахи уже разобрали часть завалов, образовавшихся после обрушения сторожевой башни и части ограды монастыря, извлекли из ямы тела погибших и отнесли в лазарет пострадавших. Игумен монастыря, отец Никандр, стоял, опираясь на посох, и печально смотрел на огромную дыру в земле, заваленную битым кирпичом и штукатуркой, под которыми скорее угадывались, нежели виделись могучие каменные своды загадочного подземелья.

Получив благословление, поцеловав руку и наметку клобука, свисавшую с правого плеча игумена, князь Щенятев с опаской приблизился к провалу, все еще осыпающемуся вниз большими кусками извести и штукатурки. Посмотрел в яму и спросил, не поворачивая головы:

– Как думаешь, отче, что это?

– Не думаю, княже, а знаю, – ответил тот глухим скрипучим голосом, отворачиваясь и уходя прочь от завала. – Опасно тут, – пояснил он Щенятеву, – надо бы людей в охранение поставить. Не ровен час дальше осыплется.

– Так что, осыплется, отец Никандр?

– Про подземелья Гледена слышал?

– А кто не слышал? Думал, байки народ мелет...

– Не байки, как видишь. Тут вся гора тайными ходами изрыта. Только ходы те забыты давно. Сам про них знал, да вижу впервой. Выставь охрану, Михаил Данилович, от греха подальше. Всем спокойней будет.

Князь Щенятев согласно кивнул головой и поманил рукой стоящего рядом казачьего десятника, но прежде чем дать распоряжение, обернулся и еще раз бросил взгляд на провал. Непоседливый Петька стоял на деревянной балке, висящей над пропастью, и беспечно раскачивался на ней, с любопытством глядя вниз.

– А ну, поганец, пошел вон оттуда! – заорал не на шутку испуганный князь, грозя сыну увесистым кулаком.

– Да чего такого, тятенька? Тут же безопасно. Балка плитой придавлена. Пятерым не сдвинуть, – ответил удивленный Петька, продолжая раскачиваться на старом гнилом бруске.

<sup>11</sup> Великий князь владимирский с 1176 года (1154–15 апреля 1212).

<sup>12</sup> Собирательное название ряда племен и народов прибалтийско-финской группы.

<sup>13</sup> Главный вход в православный монастырь, скит, монастырское или архиерейское подворье.

– Я тебе вожжами по дристалищу сейчас объясню, где тут безопасно. А ну живо слезай оттуда! – рассердился отец.

– Изволь батюшка, уже иду... – поспешил успокоить отца бесстрашный мальчишка, разворачиваясь, чтобы идти обратно.

В этот момент балка, казалось, крепко зажатая между двумя кирпичными плитами, неожиданно просела и развернулась в сторону. Не удержавшись на бревне, Петька сорвался вниз и с диким криком полетел в провал. Следом одна из плит с грохотом сошла со своего места и, соскользнув по стене провала, наглухо закупорила щель, подняв при этом большое облако из пыли, штукатурки и мелкого щебня. Пыль, стелясь, как туман, клубами, распространилась по всем закоулкам монастырского двора, медленно оседая на изрытую землю и развороченные стены. Наступившую вслед за новым обвалом гнетущую тишину взорвал отчаянный вопль князя Щенятева:

– Петька-а-а, паскудник... убью!

Петька открыл глаза и не увидел ничего. Кромешный мрак. От наполнявшей воздух пыли было тяжело дышать. Страшно саднил лоб и болело правое колено. Приподнявшись на локтях, парень вытащил из-под себя кусок битого кирпича, больно врезавшийся в спину, прокашлялся и закричал, задрав голову вверх:

– Эй, кто-нибудь, я здесь! На помощь! Спасите!

Прислушался. Тишина. Только давящий звон в ушах и негромкое шуршание со всех сторон, от которого у парня все похолодело внутри. От страха хотелось плакать, бежать сломя голову прочь из этого места. Но бежать было некуда. Оставалось надеяться на тех, кто остался наверху.

– Батюшка! Данила! Вытащите меня отсюда!

Словно вняв его мольбам, сверху послышались приглушенные толстыми стенами голоса, раздался шум падающей осыпи, и в лицо ударил яркий солнечный лучик.

– Сынок, это ты? – послышался сверху взволнованный голос князя.

– Я, батюшка!

– Цел?

– Цел, только ногу крепко ушиб. Кажется, кровь течет.

– Сиди, не двигайся, – приказал отец. – Мы тебя вытащим. Ты главное не шевелись, а то не ровен час еще чего обвалится. Тут все давно истлело в труху, одно гнилье кругом. Подожди немного, мы скоро.

Видимо, отец отошел. Голос его стал глуше. Слышно было, как он распекает и подгоняет работников, расчищавших завал. Успокоенный, немного пришедший в себя Петька поудобней устроился на куче битого кирпича и достал из кожаной калиты, висящей на поясе, голландский шпанхан<sup>14</sup>, обменный по случаю на старый татарский саадак<sup>15</sup> у Афоньки, сына воеводы Терентия Забелы. У мушкетного замка был обломан курковый винт, но этот недостаток не мешал ему исправно работать. Ударяя кремнем об огниво, Петька высек яркий снопок искр, разлетевшихся, как потешные огни, в ночном небе, на мгновение осветив мрачные стены подземного каземата. Сколь ни скоротечна была вспышка света, но мальчик успел заметить, что сидел он на небольшой куче каменного крошева и строительного мусора, осыпавшегося то ли со стены, то ли с большой колонны, подпиравшей свод подземелья. Еще и еще раз высек искры из кремневого замка, он смог рассмотреть каменную нишу и человеческий скелет, прикованный к стене ржавой цепью. Покрытый пылью череп, казалось, внимательно следил за мальчиком, пугая его бездонной глубиной своих пустых глазниц. Суеверный и впечатлитель-

---

<sup>14</sup> Кремневый замок мушкета.

<sup>15</sup> Здесь только: чехол для лука (налуч, налучник).

ный, как все дети, Петька уронил шпанхан на землю, зажмурил глаза и зачистил громкой скороговоркой, судорожно глотая слова и осеняя себя крестным знаменем:

Матушка, брошенная изба,  
Нет у тебя хозяев,  
Но есть у тебя четыре угла.  
На тех углах есть стена без единого окна.  
Как нет окна на стене,  
Так чтобы не было и проклятья на мне.  
Ключ, замок, язык. Аминь.  
Аминь. Аминь.

Сверху с легким шуршанием посыпалась порохня<sup>16</sup> из мелкой гальки, песка и извести. Лучик света расширился до размеров церковного пилона<sup>17</sup>, и в образовавшуюся дыру в потолке, через которую уже можно было наблюдать голубое небо, просунулась патлатая голова Данилы Загрязского.

– Петька, ты чего надрываешься, как диакон на амвоне?<sup>18</sup> Чего там у тебя?

– Тут покойник в оковах! – неловко переступая с ноги на ногу, ответил Петька, указывая на скелет в нише стены.

– Старый?

– Кто?

– Покойник твой!

– Чего он мой? Старый, конечно. Костяк один. Даже рухляди не осталось.

– Ну и чего тогда вопишь? Не укусит, чай? Мертвяком хоть забор подпирай, все нипочем.

Пристав исчез в проеме, но через мгновение опять появился и ободряюще произнес:

– Потерпи малость. Мы сейчас плиту скovyрнем и проход очистим.

– Ладно, – махнул рукой Петька и бросил опасливый взгляд на нишу в стене. Свет из открытого проема рассеял кромешный мрак подземелья. Во мгле почти слитый с окружающим местом череп уже не казался таким зловещим, каким виделся еще совсем недавно. Скорее он разжигал любопытство. Беспокойный Петькин разум уже искал ответа на вопрос, кем мог быть этот несчастный, что умер здесь столь ужасной смертью, не оставив после себя ничего, кроме груды полуистлевших костей? Что совершил, в чем провинился? Какую тайну унес с собой?

Присмиривший от мыслей о бренности бытия юный князь в ожидании вызволения из нечаянного плена встал на колени и руками пошарил вокруг в поисках упавшего с осыпи шпанхана. Он нащупал что-то гладкое и прохладное, но уже в следующий момент находка с угрожающим шипением выскользнула из руки, в то же мгновение с ближайшей колонны с глухим стуком на плечо упало плотное и гибкое, как плеть, тело. Задев правую щеку, оно, шурша, соскользнуло на землю. Охваченный безудержным ужасом Петька подскочил на месте и истошно заголосил, задрал голову к проему в потолке.

– Данилаааа, выгащи меня скорей!

В проеме опять появилась голова пристава.

– Ну чего опять? – спросил он недовольно. – Усопший куролесит?

– Тут змей! Много змей! – дрожащим голосом прошептал мальчишка, не смея даже пошевелиться.

---

<sup>16</sup> Пыль, труха (*старорус.*).

<sup>17</sup> Столбы большого сечения, служащие опорой плоских или сводчатых перекрытий.

<sup>18</sup> Специальное сооружение в храме, предназначенное для чтения Священного Писания.

Загрязский крикнул что-то своим работникам и через мгновение просунул в дыру горящий факел.

– А ну, Петя, посторонись! – крикнул он парню и бросил факел вниз. Следом бросил и второй чуть в сторону от первого.

Свет впервые за сто лет осветил мрачное подземелье, представлявшее собой большой зал с низким сводчатым потолком, подпертым кряжистыми колоннами двух саженей<sup>19</sup> в обхват. Из зала во все стороны вели многочисленные коридоры, некоторые из них были открыты, другие закрыты толстыми, давно сгнившими и покосившимися дверями. А некоторые были просто наглухо заложены кирпичом и природным камнем. Но главное, что увидел Петька в подземелье, были не мрачные стены из красно-серого кирпича, не грязные заваленные мусором полы, не колонны, поросшие толстым мхом, а обитатели этого угрюмого места. Змеи. Сотни гадюк устилала собой пол, выбоины стен и трещины сводов. Они собирались в огромные подвижные клубки в нишах и расселинах, свисали с гнилых поперечин покосившихся дверей, ползали по капителям колонн. Копошились у подножья осыпи, на которой стоял он, едва живой от страха. Добрый десяток ползучих гадюк сновал и среди останков человека в нише.

– Мать честная! – воскликнул Данила. – Господи, помоги! Видать, у змей здесь зимовье было, а обвал их потревожил. Скверное дело.

– А мне что делать, Данила? – ныл Петька, утирая текущие слезы грязным рукавом порванного в клочья охабня. – Я боюсь!

– Стой смирно, дружок, ежели жизнь дорога. Даже не шевелись. Они сейчас злые. Мы тебя вытащим, главное, не сходи с места.

Загрязский исчез. Слышно было, как он орал на мастеровых, заставляя их пошевеливаться, а те отвечали нестройными голосами. На пол сыпались штукатурка и кирпичи. У проема как живой скрипел и шевелился потолок, но пока не поддавался усилиям рабочих. Факелы погасли. Петька стоял в темноте, как истукан, врытый в землю. Зубы его выбивали барабанную дробь. Судорожно сжатые кулаки онемели. Он читал Отче наш и Символ веры<sup>20</sup>. Ему казалось, что змеи ползут по ногам, лезут на плечи и лижут щеки своими раздвоенными язычками. Наконец, когда, казалось, сил уже не осталось вовсе, раздался страшный скрежет и треск. Огромная плита, развернувшись боком, рухнула вниз с высоты трех саженей, осыпав мальчишку градом мелкой щебенки и битого кирпича. В подземелье проник яркий дневной свет, от которого Петька, довольно долго находившийся в темноте, невольно зажмурился. Не успела улечься пыль от рухнувшей плиты, как вниз полетели горящие факелы и кульки тлеющей материи, а следом полезли мужики, вооруженные палками, косами и деревянными киянками. Они убивали зазевавшихся змей. Впрочем, большинство их успело расползтись по укромным местам сразу, как только рухнула крыша.

Данила Загрязский, давя гадюк каблуками сапог, первым спустился в подземелье и, довольно улыбаясь, шел к Петьке, раскрыв ему свои объятия. Петька облегченно выдохнул, утер сопливый нос рукавом и, по-детски всхлипывая, уткнулся в могучую грудь пристава.

– Ну, дружок, и натворил ты дел! – произнес Данила, глядя своей огромной ручищей по голове мальчика. – Думаю так, что быть тебе сегодня драным! Иди, отец наверху ждет. Повинись перед ним.

Петька выбрался из подземелья и огляделся. Князь Щенятев стоял на краю Гledenской горы, спиной к сыну и смотрел на исток Северной Двины у слияния рек Сухоны и Юга. Смотрел с удовлетворением, как снимались леса с белоснежных стен городских укреплений, золотых куполов монастырских храмов и посадских церквей. Князь любовался делом рук своих. Он смог. Он справился. Городу Устюгу отныне суждено было стать Великим. Теперь он знал

---

<sup>19</sup> Около 4,27 м.

<sup>20</sup> Молитвы.

это наверняка. Год назад он взялся за перестройку, а по сути за строительство нового города, он торопился, может быть, даже больше, чем того требовали обстоятельства. Его подгоняли вести о надвигающейся войне с мятежной Казанью, которая все чаще и чаще беспокоила северные рубежи России. Сегодня он понял вдруг, что к той тревоге было подмешено еще одно чувство, о котором он раньше старался не думать. Когда сын провалился в подземелье, князь Михаил почувствовал острую резь в груди, которая сменилась долгой ноющей болью во всем теле, точно кто-то схватил его сердце руками и накрутил на ребра. Закружилась голова, и вдруг стало трудно дышать. Потом боль отпустила, но, наверно, впервые за всю свою жизнь князь подумал о своей смерти. Ведь жизнь, она одна на всех, она общая, а смерть всегда только твоя! С чем ты придешь к последнему вздоху? Не будет ли стыдно за прожитые годы? Не замучает ли совесть на пороге вечности?

«Совесть моя с молоточком ходит: и постукивает, и наслушивает, – ухмыльнувшись, подумал князь, глядя на мощные стены Великого Устюга. – Славно, что я успел! Ах как это славно!»

– Батюшка, грешен я! Прости меня, Христа ради! – раздался за его спиной кающийся голос сына. – Я больше так не буду, вот тебе крест!

Князь обернулся. Петька стоял на коленях в трех шагах от него грязный, без шапки, в рваном охабне<sup>21</sup>, через прорехи которого виднелась испачканная кровью сорочка. Он поманил сына рукой, крепко обнял его за плечи и произнес утомленным голосом:

– Бог тебя простит, а я тебя прощаю! Поедем-ка, сын, домой, к матушке нашей. Устал я что-то сегодня.

Они уже пошли вниз с горы, к речной пойме, где их поджидали стреноженные городскими казаками кони, как три больших ворона с громким карканьем пролетели над их головами и сели на покосившийся забор<sup>22</sup> монастырского скотника. Князь Михаил посмотрел на них долгим задумчивым взглядом, потом перевел взгляд на город и произнес сдержанно и невозмутимо:

– Ничего, теперь уже можно. Теперь не страшно.

---

<sup>21</sup> Старинная русская верхняя мужская и женская одежда до XVIII века.

<sup>22</sup> Три ворона, сидящие на заборе, в старину считались символом скорой смерти.

## Глава 3

Восемьдесят шесть лет спустя

Сквозь окно с раскрытыми ставнями с реки проникал бодрящий ветерок, несущий запах смолы, свежей рыбы и вяленого сена. Из окна за водной гладью слившихся в единый поток рек Сухоны и Юга, на отложистом берегу Северной Двины виделись сероватые, небрежно побеленные стены городских укреплений, изрядно полинявшие золотые купола соборов и обшарпанные, латанные вместо доброго теса короткой дранкой и соломой крыши домов. Великий Устюг, стойко переживший все тяготы последних десятилетий, выглядел не самым лучшим образом, но с главной задачей он справился отменно. Ни один враг так и не смог взять его твердынь, возведенных здесь сто лет назад московским боярином и князем Михаилом Даниловичем Щенятевым.

Отец Феона, стоя у окна, заложив руки за спину, отстраненно глядел, как под стенами Устюга, в спокойной Коромысловской запани бригады артельщиков ловко вязали плоты из необработанной корабельной сосны. Складывали тесаные бревна на исполинские, сорокасаженные лодки-«беляны»<sup>23</sup>, издали похожие на плывущие по воде сказочные дворцы. Горластые артельные шишки, сквернослова и богохульствуя через слово, тем не менее руководили работой столь умело, что вереницы плотов и груженные донельзя беляны выходили из запани почти беспрерывно. Они спешно сплавлялись вниз по течению мимо Устюга и Котласа к самому Архангельскому городу, чтобы непременно успеть туда до ледостава. В противном случае рисковали сплавщики встать на зимовье, затертые льдами посреди северного безмолвия у первой попавшейся на пути богом забытой поморской деревушки. Случалось такое под зиму нередко. И тогда оставалось мужикам до ледохода рубить избы, строить церкви, торговать пушнину и ворвань<sup>24</sup> у зырян<sup>25</sup> и самоедов<sup>26</sup>, а заодно ненароком повышать количество новорожденных христиан в местных приходах, на что деревенские батюшки смотрели снисходительно. Север, понятное дело!

За спиной Феоны ученик приходской школы без запинки, размеренно и нудно, голосом церковного дьячка повторял урок, изученный накануне. Феона, размышляя о своем, внимал ему вполслуха. Делал он это не из-за небрежения к своим обязанностям учителя, а совсем наоборот, из безусловной уверенности в своих воспитанниках, не дававших ни одного повода усомниться в своем благосмыслии и ревностном усердии к наукам. Знал же он большую часть своих учеников уже без малого два года. С тех самых пор как настоятель обители, игумен Иллариий дал ему в послушание учительский труд.

Игумен Иллариий давно мечтал преобразовать начальную, церковно-приходскую школу, открытую при монастыре сто лет назад еще отцом Никандром, в школу второй ступени, где воспитанники могли бы после прохождения первоначального образования приступить к изучению «шести свободных художеств», под коими подразумевались: грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика и геометрия. Хотел он научить недорослей возвышенному искусству виршеслагательства, дать знания о рифмах, целесбрах и силлогизмах, а будет на то воля Божья, то и обучить искусству звездознания, называемого в Европе астрономией.

Церковное начальство высоких стремлений отца Иллариия не поддерживало, заявляя, что об том пусть в Москве голова болит, а окраине лишние знания только во вред пойдут. Во мно-

---

<sup>23</sup> Плоскодонная барка, использовавшаяся для сплава леса по рекам. Длина корпуса достигала 100 метров, ширина – 25 метров, высота – 5 метров, грузоподъемность – до 10 000 тонн.

<sup>24</sup> Устаревший термин, которым называли жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих.

<sup>25</sup> Один из северных народов, относящийся к финно-угорской языковой группе.

<sup>26</sup> Общее название коренных малочисленных народов России: ненцев, энцев, нганасан, селькупов и др.

гой мудрости много печали, говорили они словами Соломона, кто умножает познания, умножает и скорбь. Достаточно уже того, что в государстве нашем еще со времен благословенного царя Ивана Васильевича<sup>27</sup> любой обшмыга голоштаный может грамоте обучиться.

Но не таков был отец Илларий, чтобы бегать от трудностей. Поморская кровь давала о себе знать.

– Стыдно, – говорил он, горестно потрясая кулаками перед церковным синклитом, – стыдно мне смотреть, как держава наша год от года любомудрием скудеет. Есть ли кто на Руси по мощи разума своего и крепости духа сравнимый с митрополитом Московским Филиппом<sup>28</sup>? Есть ли кто равный преподобным Иосифу Волоцкому<sup>29</sup> и Нилу Сорскому?<sup>30</sup> Не вижу! Мудрецы ушли, а новых нет. И не будет, пока мы отроков, что сегодня псалтырь на память постигают, к высшим знаниям не приведем. Что нам мешает? Все же есть. У нас любой монастырь – академия. Библиотеки древними книгами и старинными документами завалены. Кладезь земной мудрости, от которой просвещенные ромеи<sup>31</sup> завистливую слюну глотали, пылится в сундуках! В старые времена ездили к нам с запада паписты-лазутчики за знаниями тайными. В рот смотрели, сведения собирали о древних странах и народах. Старинные карты воровали. Видать, собрали? Теперь, после Смуты, уже они к нам в учителя набиваются. Дожили. Яйца курицу учить стали...

Трудно сказать, убедил ли отец Илларий церковное начальство горькими словами или те просто махнули на него рукой, не желая связываться с яростным спорщиком, имевшим покровительство при патриаршем дворе, однако разрешение на училище он получил. Разумеется, что, как только два года назад в обители появился отец Феона, обрадованный игумен без всякого испытания и не дожидаясь разрешения, назначил ему послушанием преподавание тривиума<sup>32</sup>, а чуть позже, сославшись на годы и слабое здоровье, передал ему и свое занятие квадривиумом<sup>33</sup>. Возражение Феоны, говорившего, что он никогда не был «мастером грамоты»<sup>34</sup> и не имел в этом деле никакой сноровки, настоятелем, хорошо изучившим прошлое нового послушника, было оставлено без внимания. Так, помимо своей воли, отец Феона стал учителем монастырской школы.

Ученик за спиной закончил бормотать пройденный урок. Монах обернулся и осмотрел свою «дружину». Большая школьная комната была хорошо освещена. Девять детей от семи до пятнадцати лет: три девочки и шесть мальчиков – смиренно сидели на лавке за большим, грубо, по-деревенски сколоченным столом и смотрели на учителя во все глаза, замороженно и преданно. Рядом с ними на резном стуле во главе стола восседал маленький, сухой и желтый, как осенний лист, инок, помогавший Феоне с науками. Учил он чтению, письму и Закону Божьему, а большего от него и не требовалось. Чуть поодаль, прислонившись к стене, дремал на высоких козлах сторож Некрас, превыше всего в школьном обучении ценивший церковное песнопение. Все остальные дисциплины мгновенно погружали его в глухую тоску и тревожный, угнетенный сон. Вот и сейчас, слушая школяров, открыв рот и запрокинув голову, он изредка похрапывал, слегка ударяясь затылком о крашенные доски стены.

---

<sup>27</sup> Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) – великий князь Московский, первый царь Руси.

<sup>28</sup> Митрополит Московский и всея Руси (ум. 5.04.1473). Канонизирован Русской православной церковью.

<sup>29</sup> Святой Русской церкви (в миру – Иван Санин; 14.11.1439–9.09.1515), почитается в лике преподобных.

<sup>30</sup> Святой Русской церкви, преподобный (в миру Николай Майков; 1433–1508).

<sup>31</sup> Самоназвание (Romaioi) жителей Византийской империи.

<sup>32</sup> Общее название системы гуманитарных наук в Средние века. Включал 3 дисциплины о языке и его использовании: грамматику, диалектику (логику) и риторику.

<sup>33</sup> Общее название системы точных наук в Средние века. Включал 4 дисциплины: арифметику, геометрию, астрономию, музыку (подразумевается наука гармоника, а не «искусство звуков»).

<sup>34</sup> Так со времен Киевской Руси называли учителей.

– Спаси Христос! – сказал Феона, перекрестившись. – Вижу усердие ваше, дети мои. А теперь по обычаю, дабы продолжить занятия, сотворим молитву Господу!

Все находившиеся в комнате, включая второго учителя и разом пробудившегося Некраса, вскочили на ноги, повернулись к иконостасу и хором на разные голоса затянули:

– Господи Иисусе Христе Боже наш, содетелю всякой твари, вразуми мя и научи книжного писания и сим увем хотения Твоя, яко да славлю Тя во веки веков, аминь!

Трижды сотворив крестное знамение на потемневшую от времени икону Спаса Пантократора<sup>35</sup>, ученики, выстроившись в затылок, гуськом пошли к старосте школьной дружины, жилистому и поджарому с руками, как заступы, послушнику, который со словами «Господи благослови» выдавал каждому книги, по которым предстояло сегодня учиться. Поблагодарив старосту, дети шли на заранее определенные места за длинным ученическим столом и степенно рассаживались, готовясь к уроку. Ритуал этот был привычен и соблюдался неукоснительно изо дня в день на протяжении многих лет и вряд ли обещал поменяться в обозримом будущем. Шуметь, толкаться и производить другие «неустройства» школьникам запрещалось категорически.

Впрочем, сегодня нарушителем порядка неожиданно выступил тот, кто был призван за ним следить. Школьный староста Димитрий со всем полагающимся к тому благочинием, открыв тяжеленный, окованный медью «Шестоднев»<sup>36</sup>, сразу округлил глаза, точно увидел в книге нечто крамольное, от которого потерял дар речи. Между страницами лежало резное указательное «древцо», находиться которому здесь было решительно невозможно, но, видимо, этим преступление против школьного устава не ограничивалось. Староста растерянно вглядывался в желтые страницы старинного фолианта и мычал нечто нечленораздельное.

– Что там у тебя, брат Димитрий, стряслось? – с любопытством спросил Феона, подходя к старосте.

Вместо ответа послушник молча повернул к нему разворот книги, в которой несколько абзацев было обведено жирным чернильным овалом, а на полях нетвердой детской рукой выписано: «А так ли оно на самом деле есть?»

– Очень интересно! – невозмутимо произнес Феона, прочитав выделенные абзацы книги.

– Ну и кто столь просвещен в искусствах, что рискует бросить вызов авторитету святого Иоанна Экзарха болгарского?<sup>37</sup> – спросил он, окинув взором притихших учеников. Дети молчали, старательно пряча глаза в пол. Отец Феона понимающе покачал головой.

– Ну, я так и думал. Доносчиков нет. В таком случае вы знаете, что делать.

Ученики, виновато опустив головы, вышли из-за стола, встали на колени и хором загнусили жалостливыми голосами:

В некоторых из нас есть вина,  
Которая не перед многими днями была,  
Виновные, слышав сие, лицом рдятся,  
Понеже они нами, смиренными, гордятся.

Не успели они закончить покаянные вирши, как с колен поднялся четырнадцатилетний Семка Дежнев<sup>38</sup>.

– Прости, отче, – обратился он к монаху с низким поклоном, – моя то вина!

– Ты? – с сомнением в голосе переспросил отец Феона.

---

<sup>35</sup> Центральный образ в иконографии Христа, представляющий его как Небесного Царя и Судию.

<sup>36</sup> Произведения философско-богословского характера, представляющие собой толкование первых глав Книги Бытия.

<sup>37</sup> Болгарский богослов, писатель и переводчик (X век). Православный святой.

<sup>38</sup> Русский путешественник, землепроходец, мореход, исследователь Северной, Восточной Сибири и Северной Америки. Родом из Устюга (предп. 1605–1673).

– Я.

Семка угрюмо насупился и с вызовом посмотрел на учителя. В уголках глаз отца Феоны заиграли озорные искорки.

– Ну, тогда объясни нам, чем тебя не устраивают Аристотель и ученые мужи-перипатетики?<sup>39</sup>

– Меня-то? – шмыгая носом, переспросил Семка. Лицо его вытянулось в растерянной и довольно глупой гримасе.

– Тебя, – утвердительно кивнул Феона, – ведь ты же не согласен?

– Я-то? – опять переспросил парень, глазами мученика глядя по сторонам.

– Это не он. Это я сделала! – раздался за спиной тонкий, девичий голосок.

Обернувшись, Феона удовлетворенно улыбнулся. Юная воспитанница городского головы Юрия Яковлевича Строилова<sup>40</sup>, красная от стыда, стояла за его спиной и нервно теребила жемчужное ожерелье. Настя была круглой сиротой. Два года назад ее взяли в дом воеводы, после того как умерла от сухотки<sup>41</sup> его двоюродная сестра, бывшая Насте приемной матерью.

Освобожденный от необходимости врать, благородный Семка с видимым облегчением плюхнулся на колени рядом со своими товарищами.

– Влюбился, жених! – процедил сквозь зубы стоящий рядом Петька Бекетов<sup>42</sup>. – А еще друг называется!

Стремительный и резкий Семка отвесил приятелю звонкую замакушину.

– Сам ты жених! – не сдержавшись, закричал он, хватая Петьку за грудки, – кто записки писал? Кто ножичком на дереве имя нацарапал? Я все видел!

– Ах, ты гад! – зарычал выданный с потрохами Петька и двинул Семке кулаком в нос.

Парни тут же сцепились и покатались по полу, колотя друг друга руками и ногами под глумливый смех одноклассников. Разнял драку закадычных дружков староста Димитрий. Огромными ручищами он сгреб их в охапку, приподнял над землей и встряхнул так, что у драчунов кости захрустели, а на пол с однорядок посыпались свинцовые пуговицы.

– Ай... ой... больно! – дружно завопили вмиг опамятававшиеся парни, быстро приведенные в чувство дюжим послушником.

– Отпусти, брат Димитрий, – махнул рукой Феона, – не ровен час душу вытрясешь, а им за содеянное еще лозанов по филейным частям получать!

Староста ослабил крепкие объятия, освобождая драчунов. Отец Феона окинул их ироничным взглядом и нарочито мягко произнес:

– Ну что же, дети мои, милости прошу взойти на козла для получения достойного ваших дел воздаяния!

Семка и Петька, исподлобья переглянувшись, спустили порты и молча улеглись на лавку, сверкая голыми ягодицами. Школьный сторож Некрас, приободренный собственной значимостью в предстоящей порке, в смущенном томлении стоял перед ведром с большим пучком розог, не зная, какую из них выбрать для начала. Наконец ищущий взгляд его остановился на самом тонком и гибком ивовом пруте. Страхивая капли воды, Некрас, рассекая воздух, стегнул прутком по своей руке. Зашипел от боли и, весьма удовлетворенный результатом, назидательно произнес, глядя на притихших детей:

– Как говорится, розга ум водрит и возбуждает память! Ну, касатики, – добавил он, глядя на провинившихся, – Богу помолясь, начнем, пожалуй.

---

<sup>39</sup> Ученики и последователи Аристотеля, его философская школа.

<sup>40</sup> Представитель старинного дворянского рода. Судья Владимирского судного приказа. Обезьяний голова в Китай-городе. Воевода в Березове в 1614 г., в Устюге в 1619–1620 гг.; умер 24 февраля 1629 г.

<sup>41</sup> Туберкулез.

<sup>42</sup> Русский путешественник, землепроходец, воевода, исследователь Сибири, основатель некоторых сибирских городов – Нерчинска, Олёмкинска, Читы, Якутска (после 1600 – не ранее 1661).

Некрас лупил Петьку и Семку изобретательно, со вкусом, после каждого удара читая вирши из школьного Азбуковника:

– Благослови, Боже, оные леса,  
Иже розги родят на долгие времена...

Дружки мычали от боли, в кровь кусали судорожно сжатые кулаки, но, к чести своей, порку выдержали мужественно, без слез и стенаний, не проронив ни слова. Получив по десятку ударов по тощим, вихлявым седалищам, они, обиженно сопя и не глядя друг на друга, подтянув порты, направились на свои места. Но сидеть у них получалось теперь исключительно боком и только после мучительного поиска удобного положения.

Решив вопрос с драчунами, отец Феона обратил наконец свое внимание на Настю, все еще стоящую рядом с ним и смущенно отводящую глаза от места расправы над бесшабашными, но незадачливыми своими «женихами».

– Ну, дочь моя, что же тебя смущает в писании досточтимого Иоанна Экзарха? – спросил он, с интересом глядя на двенадцатилетнюю девочку.

Девочка бросила на учителя смелый взгляд и, упрямо сжав губы, проронила:

– Рассказывая об устройстве Земли и мироздания, книга сия говорит, что земной шар покоится в центре сферического небесного свода.

– С чем же ты не согласна? С тем, что Земля – шар? – развел руками Феона.

– Нет, – решительно замотала головой девочка, – с тем, что Земля находится в центре мироздания.

– Вот тебе раз! – воскликнул учитель словесности, ерзая на стуле, – а что же там, по-твоему, находится?

– Солнце! – повернувшись к нему с наивной улыбкой, ответила девочка.

От такого ответа глаза маленького монаха вылезли из орбит. От возмущения ему не хватило воздуха, и он глотал его раскрытым ртом, как ящерица на весенней завалинке.

– Ты где набралась этих бредней? – прохрипел он наконец, вставая со стула. Во всех его движениях читалось явное желание скорейшим образом расправиться с дерзкой девчонкой, осмелившейся оспаривать раз и навсегда узаконенные церковью Истины.

– погоди, отец Николай, – успокоил его Феона, жестом усадив обратно в кресло, – успеешь еще анафему возложить – любое утверждение предполагает доводы. Может, они у нее есть?

Отец Феона холодно посмотрел на растерянную Настю и добавил, обращаясь к ней:

– Если сказанное тобой это только мнение, ты можешь оставить его при себе, так как оно никого не интересует, но если это знания, они должны быть безусловно доказаны. Начинай, дочь моя!

– Я не знаю, – ответила Настя, от волнения покрывшись красными пятнами. – Я книгу читала. Там написано, что Солнце находится в центре Вселенной, а Земля и планеты вращаются вокруг. А еще в книге написано, что есть такая зрительная труба, через которую можно смотреть на звезды и видеть горы на Луне!

– И чья это книга? – спросил у нее Феона.

– Какого-то Галилея.

– Жидовин, что ли? – встрепенулся отец Николай, подозрительно прищурившись.

– Нет. Итальянец.

– Итальянец! Папист! – закричал отец Николай, яростно крестясь на иконы. – Ересь! Околесина еретическая! Сказанное противоречит Библии. Книгу эту требуется сжечь, а на отроковицу наложить строгую епитимью...

– погоди, честной отец, все бы тебе жечь, – раздраженно одернул помощника Феона, но, прежде чем он успел продолжить свою мысль, Настя, насупив брови, неожиданно выпалила прямо в лицо отцу Николаю:

– А еще там написано, что Священное Писание относится только к спасению души и в научных вопросах большого веса не имеет.

В классе воцарилось гробовое молчание, слышно было, как жужжат толстые осенние мухи под потолком и чешет за ухом блохастый щенок, прижившийся в подклети у сторожа Некраса.

Отец Феона задумчиво прошелся по комнате, гулко стуча подкованными сапогами по тесаным доскам пола. Остановившись напротив Насти, он положил ладони на ее маленькие острые плечи и внимательно посмотрел в глаза.

– Ищущие Знания, – сказал он, – давно поняли, что окружающий мир не ограничивается лишь его видимой стороной. Он куда более широк и значительно многообразнее, чем принято думать. Сдается мне, что светской науке и богословию незачем вступать в конфликт друг с другом, ибо познание мира – их общая цель, просто изучают они разные его стороны. Одни духовную, другие материальную. Истина одна, и она божественна во всех своих проявлениях. – Произнося эти мудрые слова, монах подвел девочку к школьному старосте и закончил свою мысль простым силлогизмом, никак не вытекавшим из всего вышесказанного: – То, что ты, дочь моя, в столь юном возрасте ищешь ответы на сложные вопросы мироздания, это хорошо, но то, что от пытливого любознания твоего портятся книги, это никуда не годится. Поэтому справедливо будет, ежели остаток дня ты проведешь в заточении и покаянии.

Староста Дмитрий молча открыл дверь класса и, взяв Настю за руку, увел ее в «карцер», роль которого за неимением ничего лучшего с успехом исполнял школьный «нужной чулан». Теперь, после торжества правосудия и наказания всех провинившихся нормальное течение школьного дня должно было наладиться, но, видимо, сегодня был для этого не подходящий день. Не успел Феона отойти от двери, как за ней послышался до боли знакомый, слегка блеющий голос, читающий молитву:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!

Отец Феона тяжело вздохнул. Окинул сокрушенным взглядом тихо сидящих учеников и уныло произнес в ответ:

– Аминь. Заходи, брат Маврикий.

## Глава 4

С тех пор как неугомонный старец Прокопий был отправлен в богом забытую глухомань, на реку Пинегу, в крохотный Богородицкий монастырь, оказавшийся после смерти игумена Макария без архиерейского наместника, у молодого послушника остался в обители только один человек, имевший на него особое влияние. Нетрудно догадаться, что человеком этим был отец Феона. А поскольку пытливый ум и природное любопытство то и дело вступали у Маврикия в противоречие с несуразностью и бестолковостью нрава, то мудрый советчик был ему просто необходим, чтобы оградить от превратностей жизни, которые он сам себе обеспечивал с превеликим усердием.

Отец Феона был для Маврикия не просто наставник. Он представлялся послушнику существом, наделенным сверхъестественными способностями, ставившими его в один ряд с легендарными полубогами и эпическими героями. Он буквально не отходил от своего кумира ни на шаг, следуя за ним «хвостом», как привязанный. Это часто доставляло отцу Феоне немало хлопот, но ответственность за нелепого недоросля перевешивала все бытовые неудобства, тем более что монастырский устав был довольно строг и Маврикий, как правило, не мог досаждать Феоне сверх того, что позволяли ему предписания.

Впрочем, сегодня, видимо, произошло нечто, что заставило молодого инок пойти на нарушение правил. Появление его на уроке никак не соответствовало распорядку обители, но, как бы там ни было, получив разрешение войти, Маврикий, сутулясь от усердия, положил три поклона перед иконами и елеинным голосом попросил у Феоны разрешения остаться в классе. При этом внешний вид его выражал восторг и ликование человека, сделавшего потрясающее открытие, которое не в силах был удерживать в себе. Отец Феона позволил Маврикию остаться с условием, что тот будет сидеть тихо, но вот его внешний вид оставил монаха совершенно равнодушным. Это обстоятельство вынудило Маврикия мучиться до самого обеда, он ерзал на лавке, нервно чесался, грыз ногти и громко шмыгал носом, оставаясь для учителя скорее предметом мебели, чем объектом живого интереса. Трудно сказать, как долго он смог бы еще вынести эту пытку, но наступил долгожданный перерыв на обед, во время которого все ученики гуськом за старостой направились в монастырскую трапезную, а Маврикий наконец получил возможность поделиться своим открытием. Впрочем, слова его не несли в себе никакой определенности, он просто просил наставника отправиться с ним в монастырскую библиотеку, ибо там и находилась тайна, которую он хотел поведать. Феона решил было строго отчитать послушника, пришедшего к нему на урок со столь нелепой просьбой, но глаза Маврикия лучились надеждой и желанием столь отчаянно и по-детски наивно, что монах не смог отказать, предупредив, впрочем, что делает это в последний раз. Маврикий с радостью закивал головой.

Оставив школу на отца Николая, отец Феона направился в книжное хранилище, в душе осуждая себя за излишнюю мягкость, подвигшую его поддаться уговорам нескладного и смешного послушника, увлеченного земными тайнами больше, чем Святым Писанием. Как бы то ни было, но жизненный опыт подсказывал монаху, что любое, даже самое случайное на первый взгляд событие может иметь скрытое обоснование, пренебрегать которым было бы весьма неразумно. Сам Феона называл это вниманием к мелочам.

Иноки пересекли Соборную площадь и подошли к галерее, примыкавшей к палатам братского корпуса. Для книжного хранилища там была отведена специальная комната в сорок аршин<sup>43</sup> длиной и двенадцать шириной, со множеством небольших окон, сквозь которые в помещение целый день проникал солнечный свет.

---

<sup>43</sup> Старорусская единица измерения длины, равная примерно 71 см.

Вдоль выбеленных известью стен с глубокими каменными нишами стояли деревянные шкафы, открытые полки которых были заставлены книгами в тяжелых дорогих переплетах. Книг было много, не меньше пяти сотен томов, что, учитывая большой пожар, уничтоживший обитель несколько лет назад, можно было считать подвигом монастырской братии, сумевшей быстро восстановить библиотечное собрание.

В основном книги были богословские, но имелись здесь и труды «еретического» содержания, светская литература и работы античных авторов. Хранились они в особых ящиках, сундуках и ларях, отдельно от работ благочестивых сочинителей, и посторонним, как правило, не показывались. Основу библиотеки составляли рукописи, но количество печатных книг год от года неуклонно возрастало, со временем угрожая похоронить почтенный труд переписчиков, коему в земле Русской с превеликим рвением тягу имели поголовную, от простого чернеца до государя.

Книгохранилище подкупающе умиротворенно пахло воском, киноварью и вишневым клеем. В скриптории<sup>44</sup>, наполовину отделенном от читальни массивной перегородкой, склонившись над разлинованными тонким затупленным шильцем листами, среди пустых столов и аналоев<sup>45</sup> корпел один-единственный переписчик – молодой монах Епифаний. Пользуясь послаблением отца наместника, многие переписчики предпочитали работать в одиночестве, в тиши своих келий, и только Епифаний, день за днем, год за годом, неукоснительно и неизменно приходил в скрипторий, устанавливал на аналой образец, а на столе раскладывал письменные принадлежности: чернильницу, песочницу, перья и кисти, перочинный нож и линейку и трудился от зари до зари, прерываясь лишь на молитву и трапезу. Работал он и сейчас, не обратив внимания на вновь пришедших.

В отличие от Епифания, книжный хранитель, отец Дасий отложил в сторону недавно подаренный обители редкий список «Мириобиблиона»<sup>46</sup> патриарха Фотия и с удивлением посмотрел на Маврикия, неловко прятавшегося за широкой спиной отца Феоны. В этом взгляде сквозили раздражение и досада, которые он даже не пытался скрыть. Феона внутренне усмехнулся такому поведению книжного хранителя, ибо по себе знал, что его ученик, несмотря на всю свою безобидность, способен был вывести из себя даже ангела, приведись ему случай такого общения.

Обменявшись вежливыми приветствиями и узнав, что пришедшим не нужна его помощь, Дасий предпочел на время уйти из библиотеки, сославшись на срочные дела с монастырским уставщиком, по пути еще раз бросив на Маврикия суровый взгляд, который послушник принял смущенной улыбкой и стыдливо потупленными глазами.

– Ну, Маврикий, – спросил отец Феона у послушника, как только за библиотекарем закрылась дверь, – так что ты хотел мне показать?

Послушник моментально встрепенулся, сделал успокаивающий жест и, сутулясь больше обычного, на цыпочках, скачущей походкой прошелся по книжному хранилищу. В самом дальнем углу, в неглубокой каменной нише между двумя окнами он взял одну из нескольких лежащих там книг и, загадочно улыбаясь, вернулся назад. Всем своим видом изображая торжество, он молча протянул книгу отцу Феоне.

– Вот! – сказал удовлетворенно.

Монах сел, положил книгу на читальный стол и полистал желтые от времени страницы. Это была рукописная Следованная псалтырь<sup>47</sup>, судя по особенностям устава<sup>48</sup>, написанная при-

---

<sup>44</sup> Мастерская по переписке рукописей в средневековых монастырях.

<sup>45</sup> Высокий четырехугольный столик с покатым верхом. Используют в основном при богослужении.

<sup>46</sup> Сочинение представляет собой краткое изложение книг, которые византийский патриарх Фотий прочитал. Написано до его первого патриаршества. Закончено около 857 года.

<sup>47</sup> Богослужебная книга, состоящая из псалтыри, содержащей 150 псалмов, и трех приложений.

<sup>48</sup> Уставное письмо – почерк с четким угловато-геометрическим рисунком.

мерно лет сто назад. Книга была богато и красиво оформлена, но никакой особенной ценности из себя не представляла. Впрочем, цепкий взгляд Феоны обратил внимание на несколько позднейших, зашифрованных вставок, вклеенных под переплет лет через шестьдесят после написания, но интереса у него они не вызвали никакого. Видя равнодушные учителя к его находке, Маврикий испытал разочарование, но постарался не подавать виду, хотя это у него получилось как всегда неловко.

– Ну как? – спросил он у монаха, лихорадочно сверкая глазами.

– Что как? – спокойно и равнодушно переспросил Феона, закрывая псалтырь.

Маврикий нетерпеливо потянул книгу к себе и вновь открыл разворот с зашифрованными вставками.

– Это? – произнес он, ткнув пальцем в страницу.

– А ты сам-то как думаешь? – улыбнулся Феона, глядя на горячность воспитанника.

– Я думаю, это тайнопись! – возбужденно зашептал послушник, зачем-то оглядываясь по сторонам.

– Ну, правильно думаешь, – кивнув головой, поддержал его Феона, поднимаясь из-за стола.

Монах подошел к ближайшей книжной полке, покопался среди фолиантов, стоявших в ряд, и, взяв один из них, вернулся обратно.

– Это, как ты верно заметил, тайнопись, – произнес он, отодвигая псалтырь в сторону, и раскрыл принесенную книгу где-то в самом ее конце.

– И это тоже, – показал он Маврикию открытую страницу.

– В нашей библиотеке ты найдешь два десятка книг, где что-нибудь зашифровано. Это Россия, сын мой. Здесь, как только люди научились писать, так сразу стали шифровать написанное. Не то чтобы в этом был особый смысл, а скорее из простого озорства или тщеславного самодовольства посвященного неофита.

– Что, прямо все? – недоверчиво покосился на монаха Маврикий, разглядывая причудливые «закорюки» на последнем листе раскрытой книги.

– Не все, но многие, – пожал плечами Феона, садясь обратно за стол, – знаешь, что тут написано?

– Что?

– Начато в Соловецкой пустыни, тож де на Костроме, под Москвою во Ипатской честной обители, тем же первостранником в лето миробытия 7101<sup>49</sup>.

– И все?

– И все.

– Зачем же шифровать такое?

Феона улыбнулся краешком губ и развел руками.

– Боюсь, друг мой, нам этого уже не узнать.

Расстроенный монахом послушник стал походить на скучающего в стойле мерина. Глазами, полными слез и глубокой тоски, он смотрел на Феону и молча просил чуда.

– Маврикий, ну чего ты от меня хочешь? – спросил Феона, сокрушенно глядя на послушника. – Что ты себе наблажил с этой псалтырью?

– Да как же, отец Феона, – принялся сетовать Маврикий, подсовывая учителю раскрытую псалтырь, – тут же все по-другому, и шифр иной, и написано много. А вдруг тут тайна великая сокрыта, а мы все сидим и ничего не делаем?

---

<sup>49</sup> 1592 г. от Р. Х.

– Ну, не знаю, как все, а у меня ты урок сорвал, – иронично заметил Феона и еще раз бросил взгляд на псалтырь. – Тайна, говоришь? Думаю, переписчик просто записал свои силлогизмы<sup>50</sup> от переизбытка суждений, смущавших его сознание. Такое часто случается.

Водя пальцем по первой строчке зашифрованного текста, Феона, запинаясь, едва прочитал вслух:

– Ковепшфсдзо кчфсрег...

Полистал псалтырь, закрыл ее, посмотрел на обрез, проведя по нему пальцем, и передал Маврикию, который, затаив дыхание, наблюдал за действиями наставника.

– Это очень просто, – сказал отец Феона, отвечая на немой вопрос послушника. – То, что читал тебе ранее, написано хитрой монашеской «четвероконечной» тайнописью. А это, видимо, разновидность древнего «шифра Цезаря»<sup>51</sup>. Насколько я понимаю, где-то тут должен быть цифровой ключ. Найдешь его – прочитаешь послание. Задача для начинающего диалектика. Если бы ты ходил на мои уроки по логике, то понимал бы, о чем я говорю.

Отец Феона усмехнулся, видя безмерно печальное лицо Маврикия, и, обернувшись через плечо, обратился к отцу Дасию, вернувшемуся в библиотеку с большим типографским типиконом<sup>52</sup> под мышкой:

– А скажи, отец Дасий, не могли бы мы взять эту псалтырь с собой на пару дней? За сохранность ручаюсь тебе своим словом!

Книжный хранитель молча прошел через комнату, стуча по деревянному полу медными подковками сапог. Положил типикон на полку рядом со своим столом и, обернувшись, ответил с легким раздражением в голосе:

– Ты же знаешь, отец Феона, устав запрещает нам держать в келье посторонние предметы, в том числе и книги.

– Как же так, отец Дасий? – изумился такому ответу Феона. – Мы же говорим о псалтыри, а не о светской книге. Как же псалтырь может быть посторонней в келье монаха?

– Все так, – ответил библиотекарь, оправившись от невольного смущения, вызванного неудобным вопросом, – но после того, как у нас пропало несколько летописных сводов и «Диалектика» преподобного Иоанна Дамаскина<sup>53</sup>, подаренная обители патриархом Филаретом<sup>54</sup>, отец наместник строго указал книги в кельи монахам давать только с его личного благословения. Возьми разрешение у игумена, и я с радостью отдам тебе псалтырь.

– Прости, Маврикий, не в этот раз, – развел руками Феона. – Я спрошу отца Илларию!

Как умный человек он сразу понял, что разговор окончен, и, учтиво откланявшись, направился к выходу из библиотеки, жестом маня за собой своего подопечного. Согбенный Маврикий, мучимый вдруг напавшими на него желудочными коликами, проскользнул в дверь впереди отца Феоны и засеменял в направлении «нужного чулана», затравленно озираясь по сторонам и шепча под нос какие-то молитвы.

– Доброго здоровья, отец Дасий! – с порога попрощался Феона, закрывая за собой тяжелую дверь библиотеки.

– Спаси Христос! – задумчиво ответил библиотекарь и, обернувшись, поймал внимательный и хмурый взгляд инока Епифания, исподлобья брошенный на него.

<sup>50</sup> Умозаключения.

<sup>51</sup> Один из самых простых и наиболее широко известных методов шифрования.

<sup>52</sup> Церковно-богослужбная книга, устанавливающая порядок православного богослужения.

<sup>53</sup> Христианский святой, почитаемый в лике преподобных, один из Отцов Церкви, богослов, философ и гимнограф. По происхождению араб из г. Дамаска. Умер в 753 г. (по др. сведениям, в 780 г. от Р. Х.).

<sup>54</sup> Патриарх Московский и всея Руси (1619–1633). Отец первого царя из рода Романовых – Михаила Федоровича.

## Глава 5

Царский двор уже неделю пребывал в «Угрешском походе»<sup>55</sup>. Частые выезды молодого государя на богомолье в скромную по столичным меркам Николо-Угрешскую обитель весьма изумляли лукавых и чопорных царедворцев, но поскольку от Москвы до нее было не более 20 верст, то многим выбор царя очень нравился. Для изрядно страдавших в дальних государевых паломничествах, тучных, преисполненных степенной лени вельмож было это что-то вроде легкой прогулки за город.

Начальник Земского приказа<sup>56</sup>, крепкий и жилистый, как драгунский конь, Степан Матвеевич Проестев<sup>57</sup> торопливо прошел Святые ворота монастыря. Обогнув с восточной стороны государевы палаты, он, стремительно перепрыгивая через ступеньки, забежал на крыльцо и скрылся за массивной входной дверью. Не останавливаясь, он поднялся по узкой каменной лестнице наверх, в Успенскую церковь. Два выборных стрельца<sup>58</sup> из государева стрелянного полка<sup>59</sup> попытались было бердышами перекрыть ему дорогу, но, узнав, молча расступились, пропуская внутрь. С недавних пор Проестев получил особое право заходить к государю без доклада в любое время дня и ночи. Привилегия подобного рода многих при дворе раздражала, но пока с этим можно было только мириться.

Молодой царь стоял перед алтарем на коленях и прилежно, словно школяр, отбивал поклоны, громкой скороговоркой произнося псалом:

– Боже в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.

Да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою.

Да возвратятся вспять и постыдятся мыслящие ми злая...

Проестев, не дойдя до Михаила пяти шагов, широко троекратно перекрестился и, плюхнувшись на колени, приложился лбом к деревянным доскам пола. Раздался звук, словно вскрыли бочонок с медом. Царь невольно вздрогнул и, не донеся перстов до лба, удивленно обернулся:

– А, это ты, Степан Матвеевич!

– Я, государь. Посыльный от игумена Пафнутия приходил. Сказывал, ты искал меня?

Михаил задумался.

– Так то утром было! – произнес он озадаченно.

– Прости, государь, как узнал, так сразу поспешил.

– Ладно. Не суть, – милостиво махнул рукой царь. Он натужно поднялся с колен и, слегка подволакивая ногу, направился к скамейке, стоящей у стены напротив алтаря. Присев на край, он хлопнул ладонью по зеленым крашеным доскам, приглашая Проестева сесть рядом. – Жалуются на твоих приставов купцы английские. Говорят, обложили их пошлинами, а они со времен царя Ивана Васильевича беспошлинно в государстве нашем торгуют. Я сам два года назад привилегии им подтверждал. Или забыл?

– Все помню, государь! – удрученно развел руками Проестев. – Так ловчат же, пройдохи! С мошенниками дело имеем! У них по договору привилегии у сотни купцов, а пользуются все кому не лень. Обидно, право слово!

---

<sup>55</sup> Выезды царского двора на богомолье в Николо-Угрешский монастырь под Москвой.

<sup>56</sup> Центральное государственное учреждение XVI–XVII веков, ведавшее управлением Москвой, охраной порядка в столице и некоторыми другими городами, а также таможенной и налоговыми сборами.

<sup>57</sup> Видный государственный деятель первой половины XVII века. Окольниковый. С 1619 по 1637 год руководил Земским приказом. Скончался в 1651 году в преклонных годах.

<sup>58</sup> Набирали из лучших воинов московского войска. Выборных стрельцов называли придворной стражей.

<sup>59</sup> Стрелянной, то есть конный полк (до 2000 человек личного состава), составлял особую стражу государя.

Михаил молчал, задумчиво ковыряя пальцем свежее восковое пятно на подоле своего станового кафтана<sup>60</sup>. Ободренный его молчанием, Проестев продолжил уже более твердо и уверенно:

– Великий дед твой, царь Иван Васильевич<sup>61</sup> почему англичанам беспошлинную торговлю даровал? Потому, что других не было. Сейчас иное время. Немцы, французы, датчане, голландцы – все здесь и все платят, а англичане нет. У них, видишь ли, на то исконное право! Тронешь выжигу – визжит, как свиньи на бойне, а проку с него как с коня кумысу! Голландцы, государь, за год по шестьдесят судов к нам шлют, а англичане и двух десятков не наберут, а пошлину не платят. Несправедливо это...

Начальник Земского приказа не на шутку разошелся. Представив себе наглуемую рыжую ряху вечно пьяного английского фактора<sup>62</sup>, он даже зашипел от возмущения.

Михаил никогда не повышал голоса. Никто никогда не слышал, чтобы он кричал и ругался грязными словами, но при этом он мог одной-двумя фразами, сказанными в свойственной ему спокойной, даже усыпляющей манере, образумить самые горячие головы в своем окружении. Вот и сейчас царь, положив руку на плечо Проестева, сказал тихо:

– Охолопись, Степан! Ты думаешь, я того не знаю? Мне купцы наши все уши прожужжали. Несправедливо? Да, несправедливо! Но всему свое время. Сейчас оно самое неподходящее. Я с королевусом их Яковом<sup>63</sup> договор союзнический подписываю. Страну из разрухи поднимать надо. Земли, поляками и шведами захваченные, освобождать. Враги вокруг. Без союзников в Европе никак не обойтись. Англичане помощь обещают. На договор согласны. Оружие и специалистов разных шлют. И это хорошо! Так что ты, Степка, лишний раз англичан не зли. Нужны они мне пока. Понял или нет?

– Понял, государь! – хмуро глядя в пол, ответил Проестев.

Михаил удовлетворенно кивнул и попытался встать с лавки, но Проестев удержал его вопросом.

– Так чего делать-то? – спросил он растерянно. – То, что уже взяли, отдать им, что ли?

– Зачем? – удивился Михаил. – Что взяли, то взяли. Почем, кстати?

– Да недорого, государь, – как от чего-то несущественного отмахнулся Степан. – Малой пошлиной обошлись. Всего по 8 денег с рубля.

– Ну и ладно. Казне любая копейка прибыток, – хитро улыбнулся Михаил, – а вот не подпишет Яков договор, тогда с англичанами совсем другой разговор будет. По справедливости!

Полагая, что разговор окончен, царь встал с лавки и, прихрамывая, тяжелой поступью направился к алтарю, желая продолжить прерванную молитву. Проестев, неловко кашлянув в ладонь, тихо произнес:

– Государь, позволь мне еще занять немного твоего времени?

– Что-то важное? – спросил Михаил, возвращаясь обратно на лавку и внимательно глядя в глаза начальнику Земского приказа.

– Думаю, да! – ответил тот, доставая из-за высокого голенища сапога бумажный свиток с болтающимися на веревке двумя сломанными красными печатями.

– Что там? Так говори, – покривился царь, отодвигая протянутую Проестевым грамоту.

– Наш человек из Рима сообщает, что в Россию тайно выехал известный иезуит Петр Аркудий, коему после Смуты путь в страну заказан. Перед поездкой имел он долгую беседу с генералом иезуитов Муцио Вителлески и аудиенцию у их понтифика, папы Павла V. О чем говорили, выведать не удалось, однако после встречи Аркудий собрался в путь со всей поспеш-

<sup>60</sup> Свое название получил по особенностям кроя. Носили его бояре и государи московские, простому люду носить его не полагалось. Поэтому шились становые кафтаны из дорогих привозных тканей.

<sup>61</sup> Имеется в виду царь Иван Васильевич IV Грозный.

<sup>62</sup> Здесь: мелкий розничный торговец, посредник, представитель крупной купеческой корпорации.

<sup>63</sup> Яков I Английский (1566–1625) – первый король Англии и Шотландии из династии Стюартов.

ностью, выехав под покровом ночи. Осведомитель проследил его до Сандомира, где след иезуита затерялся. Спустя неделю через Путивль на нашу сторону прошли четыре богемских торговца с товаром, но в Курск из них пришли только трое. Люди курского воеводы Семена Жеребцова крепко допросили негоциантов, и они клянутся, что не знают, куда делся четвертый. Заявляют, что до того дня, как прибился он к обозу в Конотопе, они вообще его никогда не видели. По словесному описанию, которое купцы дали приставам, торговец этот и есть Петр Аркудий. Где он сейчас и что делает, никому не ведомо.

– Кто этот Аркудий? – спросил царь, недоуменно подняв брови. – Чем он опасен?

– Иезуит, государь, всегда опасен, – хмуро ответил Проестев, убирая свиток обратно, за голенище своего сапога. – А у этого, – добавил он, – я слышал, есть некая тайна, связанная с почившей династией. Она делает его вдвойне опасным человеком.

– Что за тайна? – насторожился Михаил, подозрительно глядя на начальника Земского приказа. Молодой царь, совсем недавно избранный и утвердившийся на русском престоле, для многих соотечественников имел на него не больше прав, чем зарезанный татарским мурзой Петром Урусовым Тушинский вор<sup>64</sup> или повешенный в Москве на городских воротах его трехлетний сын Иван, прозванный Вороненком.

Михаил отчаянно бился с любым проявлением крамолы в свой адрес. Воровские<sup>65</sup> дела выделяли в отдельное производство, исполнения которого были лишены органы местного самоуправления и церковные власти. Только воеводы на местах имели право вести следствие с применением всех возможных способов дознания, часто включая пытку и исключая из него все остальное. Но и они не могли вершить суд, ибо приговор над ворами выносили в самой Москве.

Страх общества за слово и дело государевы отныне липким слизнем заполз в душу каждого из них, от никудышного мужика до важного воеводы и надменного царедворца, ибо в формуле той не было особой разницы между «непристойными словами» о государе и злоупотреблением местных властей, когда воеводы нагло присваивали себе неподобающие им права. Все это теперь считалось государственным преступлением, а публичный политический извет играл роль скрытой челобитной, пусть и с большими неприятностями для такого «челобитчика».

Михаил не считал для себя возможным игнорировать даже малейшие поползновения на законность своего пребывания на троне. Это касалось даже кажущихся мелочей, таких как ошибки в произношении и написании царского титула, отказ присоединиться к здравнице в честь государя или произнесения молитвы за его здоровье. Чего уж говорить о его болезненной тяге к многочисленным тайнам, оставленным после себя ушедшими в небытие прошлыми династиями, в каждой из которых могла скрываться реальная угроза для него лично и его будущих потомков.

– Какая тайна? – повторил он вопрос.

Проестев только развел руками.

– Государь, – сказал он как можно мягче и вкрадчивей, – тайна – та же сеть: ниточка порвется – вся расплзется. Свою сеть Аркудий бережет и тщательно прячет. Он вообще человек загадочный. Откуда он и как его настоящее имя, никто не знает. Учился в греческой коллегии в Риме, там же был рукоположен в сан священника. На деле же он один из главных организаторов Брестской унии<sup>66</sup> и ярый враг всего православного и русского. Первый раз появился

<sup>64</sup> Лжедмитрий II (дата и место рождения неизвестны – убит 11 (21) декабря 1610 года) – самозванец, выдававший себя за сына Ивана IV Грозного, царевича Дмитрия.

<sup>65</sup> На Руси термин «вор» применялся к преступникам, совершившим или умышлявшим государственные преступления.

<sup>66</sup> Решение ряда епископов Киевской митрополии Константинопольской православной церкви о принятии католического вероучения и переходе в подчинение римскому папе с сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке.

в Москве при царе Борисе<sup>67</sup> в свите польского посла Яна Сапеги<sup>68</sup>. Привез Годунову послание папы, а взамен выпросил какие-то бумаги из личного хранилища царя Иоанна Васильевича. Какие именно бумаги, неизвестно. Скоро благоволение Годунова загадочным образом сменилось на гнев, и наш иезуит был выдворен из страны, поговаривают, за убийство. Вернулся он уже с первым самозванцем и опять что-то искал, уже не имея никаких запретов и ограничений, но, видимо, безуспешно. Следующий раз он появился уже с поляками. Видели его в Суздале и под Великим Устюгом. Он опять что-то и кого-то искал. Мы не знаем, что и кого. Аркудий не оставляет живых свидетелей, которые могли прояснить суть его поисков.

Семь лет назад его могли схватить. Дьяк мой, Шестак Голышкин, вспомнил, что сын боярский Афанасий Зиновьев, ведавший тогда земским двором, послал его в Устюг для поимки и следствия над злодеем. Но тот неожиданно бросил поиски и покинул не только нашу державу, где ему грозила виселица, но и Речь Посполитую, где его ничего, кроме почестей, не ждало. Объявился он в Риме, стал цензором в папской курии и никак не проявлял себя до недавнего времени, а теперь вдруг сорвался с места и тайком проник на нашу сторону.

Видя, что Степан закончил говорить, царь помолчал в раздумьях, потом посмотрел на Проестева с пытливым прищуром и медленно, словно подбирая нужные слова, произнес:

– Странная история. Непонятная. От меня, Степка, ты что хочешь?

– Ничего, государь, – ответил Проестев, решительно махнув головой, – все, что нужно, уже сделано. Во все разряды, уезды и города направлены словесные описания. Все воеводы и городские головы извещены. Мои люди идут по следу и рано или поздно найдут лазутчика. А рассказал я, потому что тайна его такова, что и нам ее узнать непременно надо. Не будет человек столь изощренно и изобретательно рисковать своей головой ради несущественной ерунды. Не стали бы с ним тайно говорить ни римский папа, ни главный иезуит, если бы задание не касалось их интересов. А если это так, то тайна становится уже государственной и требует особого внимания и бережения...

– Ну, значит, найди мне этого Петра Аркудия, Степан Матвеевич, и тайну его узнай, – требовательно произнес Михаил и добавил: – Кстати, ответь заодно на вопрос, почему об иезуите мне не доложили из Посольского приказа<sup>69</sup>, а сообщают из приказа Земского?

– У каждого свои осведомители, государь, – не моргнув глазом бесстрастно ответил Проестев, – просто так получилось, что мои люди более осведомленные, чем люди Ивана Грамотина<sup>70</sup>. Он в иноземцах всех более учителей ищет, а я по службе своей одних прохвостов вижу.

– Ладно, – махнул рукой Михаил, ухмыляясь и поворачиваясь к алтарю, – иди уже, сыщик, ищи своего иезуита. О результатах доложишься лично. Я буду ждать.

Проестев низко поклонился царской спине и, перекрестившись на образа, тихо вышел прочь.

<sup>67</sup> Борис Федорович Годунов (1552–1605) – боярин, шурин царя Федора I Иоанновича, с 1598 по 1605 г. – русский царь.

<sup>68</sup> Государственный и военный деятель Великого княжества Литовского. Активный сторонник Лжедмитрия II.

<sup>69</sup> Центральное правительственное учреждение в России, ведавшее отношениями с иностранными государствами, выкупом и обменом пленными, управлявшее рядом территорий на юго-востоке страны, некоторыми категориями служилых людей и т. д.

<sup>70</sup> Думный дьяк, видный деятель Смутного времени, трижды, при разных государях, возглавлял Посольский приказ.

## Глава 6

По узкой лесной тропе, задевая крепкими плечами колкие лапы мохнатых елей, ехал всадник, лениво подергивая уздцы своей лошади. Всадник был закутан в светло-зеленую епанчу<sup>71</sup> с глубоким капюшоном, полностью скрывавшим его лицо от посторонних глаз. Судя по статной венгерской кобыле чистых кровей, богатому русскому седлу, обтянутому вишневым бархатом с золотой и серебряной вышивкой, и весьма дорогим желтым сафьяновым сапогам, путник был не простым человеком, тем более удивительно было не увидеть у него ни пистолетов в седельных ольстрах<sup>72</sup>, ни сабли под епанчой, ни палаша под седлом.

На первый взгляд путник был совершенно безоружен. Сей удивительный факт заставлял сомневаться в здравом уме человека, отправившегося в ночной лес, когда туда и днем без охраны не рисковали соваться те, с кого было что взять и кому было что терять. Непокойно было на дорогах. Смута в стране закончилась. Во всяком случае, о том было торжественно заявлено. Поляков-«лисовчиков»<sup>73</sup> побили, запорожских черкасов<sup>74</sup> перевешали, своих казачков доморощенных, кто под государеву руку не перешел, под нож пустили, но порядок в державе навести у новой власти пока ни сил, ни средств не хватало. От того и шалили лихие людишки по лесам да проселкам. Управы на них у государевых людей подчас просто не было.

Лета 7128 августа в 12<sup>75</sup> дня на реке Сухоне, между речкой Юрменьгой и деревней Копылово, разбойниками было ограблено судно, на котором из Сибири в Москву по делам государственным плыл боярский сын Федька Пуцин со товарищи. Разбойники взяли у них денег 326 рублей, платья, мехов да разной рухляди на 257 рублей 30 копеек. Деньги знатные! Простой стрелец за год пять рублей жалования имел. Да ладно стрелец, сотник от царской казны 12 рублей получал, а стрелецкий голова не больше тридцати. Хороший у татей улов получился! Федька в Устюг в одном исподнем явился, бороду на себе рвал. Помощи просил. Кричал, дело за ним государево. Воевода Стромиллов с полусотней городских казачков бросился было в погоню, да ватаги воровской и след простыл. Одни головешки от простывшего костра и ни души. Тайга кругом.

С тех пор с безопасностью в округе ничего не поменялось. Мало кто отваживался даже днем ездить по лесным тропам без хорошо вооруженного сопровождения, а когда наступали сумерки, только за городскими стенами можно было чувствовать себя в относительной безопасности. И вдруг по едва различимой ночью лесной тропе двигался всадник, как будто совершенно не переживающий за свою жизнь! Подобное безрассудство, как правило, не оставалось безнаказанным. Не стала исключением беспечность и этого путника, дерзко презревшего опасности ночной дороги.

Среди деревьев замелькали сполохи разом зажженных факелов. Послышались голоса, а над самым ухом путника раздался лихой бандитский посвист, от которого в жилах стынет кровь и душа христианская уходит в пятки. Тропу перегородили две мрачные фигуры в бесформенных балахонах, резко взявшие под уздцы испуганно прядущую ушами лошадь.

– Ну все, раб Божий, приехал... – сказал один из них с легким польским выговором. – Слазь. Суму вытрясай. Мы тебя грабить будем!

<sup>71</sup> Широкий безрукавный круглый плащ с капюшоном.

<sup>72</sup> Седельная кобура.

<sup>73</sup> Название формирований польско-литовской иррегулярной легкой кавалерии под командованием полковника Лисовского в 1608–1616 годах.

<sup>74</sup> На Руси название запорожских казаков.

<sup>75</sup> 22 августа 1620 года по новому стилю.

– Dobry koń!<sup>76</sup> – чувственно, как про желанную женщину, произнес второй разбойник, успокаивающе глядя нервную лошадь по трепетной бархатной шее.

Между тем рядом уже собралось два десятка вооруженных до зубов голодранцев, одетых в рваные польские кунтуши, русские охабни с чужого плеча и крестьянские домотканые зипуны. Выглядело это пестрое воинство точно свора голодных собак, затравивших кролика в чистом поле. Общение с ними не сулило пленнику ничего хорошего просто потому, что понятие «все хорошее» у этих «милых» людей никак не включало добродушие и человеколюбие.

– Ну, чего ждешь? – нетерпеливо спросил первый разбойник, для убедительности направив на всадника взведенный пистолет. – Вот сделаю в тебе дырку, тогда поздно будет.

Всадник слез с лошади, что сделать ему было непросто, ибо был он весьма небольшого роста, и властным движением, как господин слуге, бросил поводья разбойнику, говорившему по-польски.

– Uwaga, Żołnierz!<sup>77</sup> – сказал он ему надменно и властно. – Odpowiadasz swoją głową!<sup>78</sup>

– Со?<sup>79</sup> – растерялся от подобной наглости разбойник, удивленно озираясь на своих товарищей, но таинственный пленник, не удосужив голодранца ответом, повернулся к тому, который заправлял в этой пестрой компании, и негромко, но требовательно произнес глухим, привыкшим командовать голосом:

– Пусть пан отведет меня к командиру. У меня к нему дело.

Первый разбойник, поправив на груди мятый офицерский горжет, с прищуром посмотрел на пленника.

– Я здесь главный. Мне говори, коли есть что сказать.

На незнакомца ответ разбойника не произвел впечатления. Он небрежно махнул рукой и сказал еще более требовательно, чем в первый раз:

– Ложь! Твой командир – ротмистр Голеневский. Отведи меня к нему. Это важно.

От незнакомца исходила какая-то странная сила и уверенность, которая плохо вязалась с его положением плененного разбойниками человека. Вел он себя так, как будто он сам был здесь главный, и любая попытка оспорить это положение неминуемо влекла за собой наказание сомневающимся. Его собеседник задумчиво погладил свою давно не знавшую хорошей стрижки эспаньолку, посмотрел на замерших в ожидании команды товарищей по разбойному ремеслу и произнес, ухмыльнувшись:

– Ну хорошо, пан что-то слышал про ротмистра Голеневского, которым я не имею чести быть. Что же помешает мне пристрелить пана и забыть о нашей встрече?

– Рассудок и здравый смысл. Вы солдат, а не бандит, а я не добыча, а спасение. Ну конечно, при условии, что все здесь желают вернуться домой.

При этих словах разбойник вздрогнул и нахмурился. Впрочем, размышлял он недолго и, приняв решение, достал из-за пазухи черный платок.

– Поручик Лешек Будила, к вашим услугам, – представился он незнакомцу и добавил, сухо цедя слова сквозь зубы: – Я завяжу вам глаза. Надеюсь, пан не будет против этой небольшой предосторожности?

– Нет, пан не будет против, – с иронией в голосе ответил незнакомец, скидывая капюшон и подставляя свои глаза под повязку, которую поручик крепко завязал у него на затылке. – Я проделал слишком долгий путь, чтобы придавать значение таким мелочам.

Будила взял его за руку и, как слепого поводырь, повел в чащу леса по тропе, едва различимой в густой, блестящей бусинами вечерней росы траве. Они уже почти скрылись за дере-

<sup>76</sup> Добрый конь (польск.).

<sup>77</sup> Осторожно, солдат! (польск.).

<sup>78</sup> Своей головой отвечаешь! (польск.)

<sup>79</sup> Что? (польск.)

вьями, когда сзади раздался обиженный голос второго разбойника, оставленного незнакомцем следить за своей кобылой.

– Co ty jeszcze chcesz?<sup>80</sup> – заорал он вслед уходящему пленнику. – Pocałuj mnie w dupę!<sup>81</sup>

Повернувшись к уходящим спиной и задрал полы своего жупана<sup>82</sup>, он хлопал ладонями по штанам, демонстрируя место, которое, по его мнению, следовало бы отметить лаской.

Поручик, оставив подопечного, вернулся к отряду, мрачно посмотрел на кривляющегося буффона<sup>83</sup> и молча приложился нагайкой к весьма сомнительным прелестям не на шутку разошедшегося горлопана. Мгновенно прочувствовав всю силу «аплодисментов» мрачного поручика, весельчак вострубил, как сигнальный горн, и, смешно припадая на левую ногу, затрусил по кругу под забористый смех товарищей.

– Odwal się, Leszek...<sup>84</sup> – истошно причитал он, потирая ушибленное место.

– Zamknij się ty, bydłaku chamski!<sup>85</sup> – ответил Будила, пожав плечами, и вместе с таинственным гостем скрылся в чаще, больше не проронив ни слова.

В крохотной охотничьей заимке, от старости вросшей в землю почти по самую крышу, на лавке из березовых досок, небрежно покрытой черкесской буркой, сидел одноглазый польский офицер в одежде ротмистра гусарской хоругви. Впрочем, бордовый жупан, желтый плащ, кожаные штаны и поясная сумка – шабельтаст по ветхости своей мало чем отличались от рубища, в которое был одет весь отряд, а вот оружие и амуниция офицера, сложенные тут же на лавке, находились в безупречном состоянии. Гусарский шишак<sup>86</sup>, кираса с наплечниками, венгерская сабля и жутковатого вида буздыган<sup>87</sup>, в свое время проломивший немало черепов, были начищены, смазаны медвежьим жиром и празднично поблескивали при свете большой ослопной свечи<sup>88</sup>, позаимствованной разбойниками в одной из окрестных церквей.

Поручик снял повязку с глаз незнакомца и, подойдя к сидящему офицеру, что-то прошептал ему на ухо. Пользуясь паузой, незнакомец с холодным прищуром оглядел ротмистра, точно целился в него из мушкета. У ротмистра не хватало двух пальцев на правой руке и одного на левой. Одно ухо у него было разрублено пополам, а на втором отсутствовала мочка. Лицо его было изрыто оспой и глубокими сабельными отметинами. Отсутствующий левый глаз зарос безобразным образом, представляя собой нарост грязно-кирпичного цвета, который старый вояка даже не пытался скрыть под повязкой, справедливо полагая, что в компании висельников галантные манеры последнее, что следовало соблюдать. В общем, вояка был известный и опытный, и незнакомец удовлетворенно улыбнулся, видимо, удостоверившись, что не ошибался, предпринимая свое опасное ночное путешествие.

Внимательно выслушав поручика Будилу, ротмистр кивнул головой и, посмотрев на незнакомца своим единственным пронзительным глазом, произнес сиплым от простреленного легкого голосом:

– Вы, кажется, искали встречи со мной? Я Голеневский. С кем имею честь?

Незнакомец качнул головой в знак согласия и тихо, по-кошачьему приблизился к Голеневскому, на ходу снимая с руки тонкую перчатку из белой кожи.

– Прежде чем представиться, я хочу показать вам одну вещицу, которая безусловно облегчит нам дальнейшее общение, – произнес он вкрадчивым голосом и поднес к лицу оза-

<sup>80</sup> Может, еще что хочешь? (польск.)

<sup>81</sup> Поцелуй меня в зад! (польск.)

<sup>82</sup> Старинный шляхетский костюм, род сюртука.

<sup>83</sup> Шут, паяц.

<sup>84</sup> Пошел ты, Лешек... (польск.)

<sup>85</sup> Заткнись, хамское быдло! (польск.)

<sup>86</sup> Шлем.

<sup>87</sup> Разновидность булавы, головка которой усеяна шипами.

<sup>88</sup> Церковная свеча, выносимая церковнослужителями или диаконами в руках во время богослужения.

даченного ротмистра руку, на безымянном пальце которой поблескивала золотая печатка с вырезанной на ней замысловатой монограммой.

– Узнаете этот перстень? – спросил незнакомец, не отводя взгляда от Голеневского.

– Узнаю, – ответил тот не моргнув глазом. – Это перстень Муцио Вителлески, генерала общества Иисуса.

Незнакомец удовлетворенно улыбнулся и бросил красноречивый взгляд на поручика Будилу. Ротмистр пожал плечами и кивком головы указал помощнику на дверь. Поручик, повинувшись приказу командира, молча вышел, на прощание смерив незнакомца неприязненным взглядом.

– Не будем ходить кругами, – произнес незнакомец, как только за поручиком закрылась дверь. – Мы оба принадлежим ордену и понимаем, какие полномочия имеет обладатель этого камня. Я Петр Аркудий, цензор генеральной конгрегации, и с этой минуты весь ваш отряд переходит в мое подчинение.

– Как любезно, что в Ватикане сочли возможным известить меня об этом! – ехидно произнес Голеневский, презрительно ухмыляясь. – Давайте-ка я кое-что объясню вам, господин цензор. Еще два года назад у меня была лучшая сотня крылатых гусар и три сотни головорезов из реестровых казаков. Фортуна улыбалась нам. Мы били москалей везде, где встречали. Жгли и разоряли Буй, Солигалич, Судай и Чухлomu. Но потом что-то разладилось в нашем механизме, и бить уже стали нас, причем умело и со вкусом. Связь с другими отрядами оказалась потеряна, путь домой отрезан. Нас гоняли по лесам, как диких зверей. Мы теряли людей десятками. Первыми стали роптать запорожцы. Это хамское быдло вообще способно только грабить и убивать. Они отличные палачи, но честь, достоинство и верность долгу находятся вне поля их скудного сознания. Я повесил на первой осине парочку подстрекателей, а в ответ однажды ночью они снялись с бивуака и ушли на юг. Думаю, по дороге крестьяне резали их как свиней. Лично видел одного, с которого живьем спустили кожу. Он валялся на свалке, похожий на большой кусок окровавленной говядины, и собаки поедали эту еще живую, трепещущую плоть. У русских, говоря откровенно, вырос большой зуб на всех нас. Не могу сказать, что зуб этот вырос у них без веских на то причин. На войне как на войне. Здесь убивают чаще, чем дышат. Полгода назад я послал хорунжего Яна Зарембу с остатками его побчета<sup>89</sup> за фуражом в большое село. Свирепые холопы взяли их в плен. Зарембу живого запихнули в медный чан и сварили в меду, заставив отряд его съесть. Кстати, мед им понадобился для того, чтобы мясо легче отделялось от костей. Как вам история? – ротмистр мрачно поглядел на иезуита и, не дожидаясь ответа, продолжил говорить:

– Начистоту, брат Петр! Мне откровенно плевать, что в Ватикане думает генеральный препозит<sup>90</sup> и какие решения принимает конгрегация<sup>91</sup>. У меня два десятка опустившихся, потерявших надежду и веру оборванцев, бывших некогда солдатами. Мне их нечем взбодрить и обнадежить. Мы обречены. Мы умрем здесь. Какого дьявола нам для этого нужен посланник Римской курии<sup>92</sup>, я не понимаю. Знаете, есть старый военный обычай: когда умирает гусар, в разгар отпевания в костел на коне въезжает его боевой товарищ и разбивает гусарское копьё перед алтарем. В глубине души каждый из нас свое копьё уже разбил, и посредничество ордена нам не нужно. Убирайтесь подобру-поздорову туда, откуда пришли...

Голеневский вдруг задумался и удивленно воскликнул, хлопнув себя ладонями по толстым ляжкам, втиснутым в изрядно потертые кожаные штаны:

– Кстати, а как вы вообще сюда пришли? Откуда узнали о нас?

---

<sup>89</sup> Наименьшая войсковая единица в польской кавалерии.

<sup>90</sup> Обобщающее название главы католического монашеского ордена.

<sup>91</sup> Своеобразные ватиканские «министерства», главные ведомства курии.

<sup>92</sup> Главный административный орган Святого Престола и Ватикана.

Аркудий в ответ холодно усмехнулся и проронил нарочито менторским тоном:

– Ну вот, наконец я и дождался вопроса, с которого следовало начинать нашу беседу. Военные люди всегда останутся для меня загадкой. Все дело в том, любезный мой брат, что не все проклятые вами запорожцы усилиями русских превратились в польский бигос<sup>93</sup>. Как минимум одному удалось выбраться живым и добраться до земель князя Константина Вишневецкого. Черкасский староста посчитал сведения, принесенные казаком, важными для ордена, и вот я здесь, чтобы попытаться спасти ваши бесценные для короны жизни.

Ротмистр Голеневский недоверчиво покачал головой.

– Надеюсь, брат, вы не считаете меня столь наивным, чтобы поверить в историю о лучезарном рыцаре креста, спешащем за тысячи миль на помощь попавшим в беду единоверцам, которых, видимо, уже и дома не ждут?

Петр Аркудий вежливо улыбнулся краешком губ и охотно согласился с собеседником:

– Вы правы, ротмистр. Дело, которое привело меня сюда, стоит много дороже наших с вами жизней. Но случилось так, что вы нужны мне, а я вам. Помогите выполнить миссию, и гарантирую, что не позднее Рождества счастливая пани Голеневская обнимет мужа на пороге родового замка.

– Интересно, каким образом вы это сделаете? – с сомнением произнес Голеневский, но голос его предательски дрогнул.

– То моя забота, пан ротмистр. Пусть она вас не беспокоит. Ваше дело – неукоснительно выполнять мои поручения. Думаю, для вас как военного человека это не составит особого труда?

– А если русские вас раскроют? Их нельзя недооценивать. Они коварны и хитры, и сыскное дело у них поставлено хорошо.

– Не раскроют. У меня, как говорят юристы в Латинском квартале, безупречная легенда. Мне нечего опасаться.

Петр Аркудий встал с лавки, подошел к крохотному окошку, затянутому бычьим пузырем, и, наклонившись, посмотрел в него. Снаружи царила непроглядная ночь. Иезуит вытаскивал из кожаного кошелька, пристегнутого к поясу, странную коробочку размером с ладонь восьмилетнего ребенка. Предмет был похож на плоский золотой барабан, украшенный изящной гравировкой по торцу. Верхняя его часть представляла собой плоскую крышку из черного серебра с напаянными по кругу золотыми римскими цифрами и одной большой стрелкой, застывшей где-то около XII.

– Скоро полночь, – сказал Аркудий, непроизвольно потрогав стрелку пальцем, – мне пора. Велите подать мне мою Беатрикс. И вот еще, любезный брат, дайте мне вашего бравого поручика с парой надежных пахоликов<sup>94</sup>, умеющих держать язык за зубами. Сегодня ночью они могут мне понадобиться.

Старый вояка понуро посмотрел на Аркудия и сокрушенно махнул рукой.

– Извольте, – произнес он мрачно, – делайте, что считаете нужным.

Не вставая со скамьи, покрытой черкесской буркой, он громко крикнул в неплотно прикрытую дверь старой избенки:

– Leszek, wejdź do chaty!

Снаружи зазвенели шпоры и послышались поспешные шаги. Дверь со скрипом отворилась.

---

<sup>93</sup> Традиционное для польской кухни второе блюдо из квашеной капусты и мяса.

<sup>94</sup> «Почтовые» воины, обычно набирались из дворовых людей шляхтича или из мелкой «убогой» шляхты.

## Глава 7

После скромной вечерней трапезы, состоявшей из горохового кулешика, гречневой каши и мягкого сыра с жирянкой, вся монастырская братия в строгом порядке, согласно чину, с пением псалмов, направилась на Повечерие<sup>95</sup> к храму для того, чтобы совершить перед его стенами молитву и разойтись до Полуношницы<sup>96</sup> по кельям. Строгий монастырский устав не допускал для братии никаких отклонений от заведенного порядка ни зимой, ни летом, ни в зной, ни в стужу.

Полуношница прошла так же спокойно и благостно. Вся монастырская братия, кроме трех больных иноков, присутствовала в храме от начала до конца. Возвращаясь к себе после короткой службы, отец Феона заметил сутулую спину долговязого Маврикия, застывшего в терпеливом ожидании у дверей его кельи. Услышав сзади шаги приближающегося монаха, Маврикий живо обернулся, и лицо его вытянулось в постной гримасе услужливого почтения, сквозь которую откровенно читалось невысказанное желание.

– Ну что же ты еще хочешь, друг мой? – сокрушенно спросил Феона, открывая дверь и пропуская настырного ученика в свою келью.

– Отец Феона, – просительно загнул Маврикий, – научи меня тайнописи, очень хочу я сокровенное в псалтыри прочитать. А вдруг там загадка спрятана? Я теперь спать не смогу.

Феона улыбнулся пылкости юноши и спросил с иронией:

– А не грех ли рясофору<sup>97</sup>, проходящему послушание, такой интерес к чужим секретам иметь?

В ответ Маврикий только покраснел, молча отвел глаза в сторону, но желания уйти из кельи Феоны не проявил.

Феона усмехнулся в бороду и жестом пригласил послушника сесть на лавку, служащую ему постелью.

– Ладно, Маврикий, что с тебя взять, упрямец? Научу тому, чего сам знаю. Может, действительно наука впрок пойдет?

Отец Феона взял из ниши за иконами толстую тетрадь с письменным прибором и сел на колченогий табурет рядом со столом, представлявшим собой три струганные доски, положенные между кирпичными выступами в стене.

– Ну, сын Божий, азбуку-то хорошо помнишь? – спросил он у послушника.

Маврикий бросил озадаченный взгляд на наставника, пожал плечами и ответил занудливой скороговоркой, как будто повторял заученный урок.

– Помню, отче: Аз; Буки; Веди; Глаголь; Добро; Есть; Живете; Зело; Земля; Иже; И; Како; Люди; Мыслете...<sup>98</sup>

– Ладно... ладно, – замахал руками Феона, останавливая юношу, собравшегося, видимо, перечислить все 43 буквы алфавита<sup>99</sup>. – Вижу – преуспел ты в грамоте! Раз так, тогда пиши... – протянул он послушнику тетрадь с письменным прибором.

– А чего писать-то, отче? – спросил юноша, охотно открывая чернильницу и пробуя ногтем остроту гусяного пера.

– Напиши для начала все согласные в две строчки по 12 в ряд.

---

<sup>95</sup> Ночная служба, в определенном смысле общественные молитвы на сон грядущим.

<sup>96</sup> Третья служба суточного круга, которую полагается совершать в полночь.

<sup>97</sup> Послушник, которому благословлено носить некоторые иноческие одежды.

<sup>98</sup> До реформы языка 1918 года каждая буква азбуки имела свое название.

<sup>99</sup> В русском алфавите XVII века было 43 буквы.

– Ага, – кивнул головой Маврикий и стал усердно выполнять задание, даже не поинтересовавшись у монаха, зачем он это делает.

Прикусив от усердия язык, он каллиграфическим почерком выписывал на бумаге буквы алфавита, натужно сопя и считая их в уме из опасения ошибиться. Возился он с поручением довольно долго. Отец Феона в это время неспешно листал страницы «Географии» Помпония Мелы<sup>100</sup>, подаренной ему когда-то старцем Прокопием. Наконец Маврикий закончил и показал наставнику результаты своих усилий:

Б, В, Г, Д, Ж, С, З, К, Л, М, Н, П,  
Р, С, Т, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Э

– Молодец! – похвалил его Феона, бегло окинув взглядом работу послушника. – А теперь напиши свое имя, меняя верхние буквы на нижние и наоборот.

Маврикий живо заскрипел пером, бубня себе под нос:

– Кси... слово... буки...

Закончив, он придвинул тетрадь Феоне и вопросительно посмотрел на него. На листе были старательно выведены два слова: МАВРИКИЙ и ЪАСБИШЬ.

– Поздравляю, мой друг, – улыбнулся монах, – ты только что написал свою первую «тарбарскую грамоту»<sup>101</sup>.

– И все? Так просто? – воскликнул Маврикий, голос его задрожал от восторга и нахлынувшего вдруг чувства сотворения чего-то, доселе ему неподвластного и неведомого.

Феона сдержанно потрепал послушника по плечу и еще раз бросил взгляд на зашифрованную им надпись.

– Просто, говоришь? Нет, брат Маврикий, это не просто! Ты освоил тарбарскую грамоту, а есть еще мудрая литорея и монокондил, тайнопись «решетка» и тайнопись в квадратах<sup>102</sup>. Вообще, «затейным письмом» на Руси уже лет четыреста удивить нельзя. Существуют десятки, а может, и сотни способов сделать послание понятным лишь тем, кому оно предназначено, но это значит, что есть и те, кто с этим душевно не согласен. В наше время секреты долго не живут. Глаза и уши, охочие до чужих тайн, найдутся всегда.

– А если придумать такую тайнопись, которую никто не разгадает и даже не поймет, что это такое? – прошептал наивный инок, с надеждой глядя на наставника.

Отец Феона ладонью разгладил седеющую бороду и, закрыв тетрадь, посмотрел на Маврикия с неожиданным интересом.

– Лучшее место для хранения тайн – собственное неведение, – сказал он, убирая тетрадь обратно за иконы, – впрочем, ты догадался о главном: как правило, надежно сокрытое многократно лучше хорошо зашифрованного. Лет сто назад один монах-бенедиктинец по имени Иоганн Тритемий назвал сей способ стеганографией<sup>103</sup>.

Маврикий, чья вера в беспредельность знаний наставника была сродни религиозному поклонению, не мог удержаться от вопроса.

– А что это, отец Феона? – спросил он, ерзая на лавке.

– Как тебе сказать, чтобы ты понял? – задумался монах, подбирая нужные слова. – Ну вот, если тайнопись скрывает содержание послания, то стеганография скрывает сам факт его существования. Понимаешь? Его как бы нет.

– Ишь ты! – восхитился Маврикий. – Видать, головастый мужик был этот Терентий?

<sup>100</sup> Самый ранний римский географ, создавший свой труд «Описательная география» около 43 года н. э.

<sup>101</sup> Простая литорея – шифр, широко использовавшийся в древнерусских рукописях.

<sup>102</sup> Различные виды шифрования, применявшиеся в средневековой России.

<sup>103</sup> Способ передачи или хранения информации с учетом сохранения в тайне самого факта такой передачи.

– Тритемий, – улыбнулся Феона, – он придумал только название, а самому способу уже тысячи лет. Читал я у Геродота в его «Истории», что хитроумные греки писали сообщение на бритой голове раба, а когда волосы отрастали, то отправляли его получателю, который вновь его брил и читал доставленное сообщение.

– Вот ведь протобестии! – всплеснул руками изумленный послушник. – А как еще?

– Пишут письма чернилами из лимонного сока и артишоков. Их пока у свечи не подержишь, не видно. Много чего придумано! Помню во время осады Смоленска задержали мы торговку литовскую с корзиной сырых яиц. Шла она в лагерь велижского старосты пана Гонсевского, несла ему послание от осажденных ляхов. О ней человек с той стороны заранее сообщил. Торговку эту мы, прости Господи, разве что шкуркой внутрь не вывернули и ничего не нашли. А она твердит, что ничего не знает. Кабы не лазутчик, отпустили бы с миром, а так подняли на дыбу, тут она и призналась. Послание ляхи в сыром яйце спрятали.

– В яйце? Да как такое может быть?

Наверное, в первый раз Маврикий не поверил наставнику, видимо, полагая, что тот решил над ним пошутить. Но Феона шутить и не думал.

– Может, Маврикий! Еще и не такое может...

– Благословите, святые! – раздался за дверью громкий, трескучий, как гороховая погрешка, голос отца будильника.

– Бог спасет тебя, отец Игнатий, – живо ответил отец Феона и удрученно погрозил Маврикию кулаком.

В приоткрытую дверь просунулась кислая физиономия отца будильника.

– Отец Феона, что же ты сам не спишь, да еще глупендяя этого подле себя держишь? Уже первые петухи пропели<sup>104</sup>. Неужто до утрени<sup>105</sup> сидеть собрался?

– Спаси Христос, отец Игнатий, – поклонился Феона монаху и почти силой выставил расстроенного послушника из своей кельи. – Ну Маврикий, довел-таки до греха! – сказал он в сердцах. – Иди с Богом! Завтра поговорим.

Выпроводив посторонних, отец Феона встал на колени перед иконами и троекратно размашисто осенил себя крестным знамением, от которого огонек лампадки яростно затрепетал на фитиле.

– Боже, милостив буди мне, грешному. Создавший мя, Господи, и помилуй мя. Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешного...

Отправив Маврикия спать, отец Игнатий неспешно шел по пустынному коридору братского корпуса, тихо под нос напевая пятидесятый «Покаянный» псалом. Страдающий постоянной бессонницей монах никогда не спал ночью, благополучно совмещая свой недуг с работой монастырского будильника. Он шел, держа в руках маленький масляный светильник, почти ничего не освещавший уже в паре шагов от него, что, впрочем, Игнатия никак не трогало. Он мог ходить здесь с закрытыми глазами. Он знал здесь каждый поворот, каждую выбоину, каждый кирпич в стене и каждую скрипучую доску расшатанного пола. Годы бессонных ночей довели его действия до автоматизма. Уже дойдя до поворота, он неожиданно заметил, что коридор осветился тусклым светом. Кто-то пока незримый приближался к нему с другой стороны.

– Эй, кого тут нелегкая по ночам носит? – сердито воскликнул Игнатий, подняв светильник над головой и подслеповато вглядываясь в сумерки.

Свет с той стороны мгновенно погас. Игнатий поспешил за угол. Темный коридор был пуст, но монах готов был побожиться, что слышал чье-то тяжелое дыхание рядом с собой.

---

<sup>104</sup> Первый раз петух начинает петь в час ночи, это первые петухи.

<sup>105</sup> Перед восходом солнца служится утренья – одно из самых длительных богослужений.

– Что за шутки? – неуверенно промолвил он, озираясь по сторонам. – Маврикий ты, что ли? Я вот отцу наместнику-то расскажу про твоё озорство!

В ответ ему была тишина. Даже чужое дыхание больше не слышалось. Краем глаза Игнатий заметил, как по стене промелькнула большая тень и мгновенно растворилась во мгле. Не отличавшийся особенной храбростью Игнатий тем не менее ринулся за тенью, полагая, что настигнет нарушителя монастырского устава где-то возле книжного хранилища, за которым была глухая стена без окон и дверей. Однако тень, бесшумная и проворная, ещё раз промелькнув в неровном свете масляного светильника, просто растворилась в плотной тьме арочных переходов старинного здания. Изумленный и изрядно напуганный Игнатий неуверенным шагом прошёл ещё несколько шагов и нос к носу столкнулся с иноком Епифанием, словно призрак возникшим перед ним. От неожиданности Игнатий заорал в полный голос и выронил масленку из рук, однако Епифаний необычайно ловко поймал её в свою открытую ладонь, даже не пролив масла, и протянул Игнатию со словами:

– Осторожно, отче!

– Спаси Христос, брат Епифаний, – ответил пришедший в себя будильник и, оправив ряску, спросил, подозрительно щурясь: – Что же ты, честной брат, ко сну не отошел?

– Молился я, отец Игнатий, – ответил Епифаний, потупив глаза, – совсем было собрался опочивать, как услышал твой голос и пошел узнать причину тревоги.

– А больше ты никого тут не видел?

Епифаний внимательно посмотрел в глаза отца будильника и отрицательно покачал головой:

– Не видел, отче.

– Ну и ладно, – проворчал Игнатий, махнув рукой, – иди, брат Епифаний, отдыхай, скоро уж на службу подниму.

И добавил, сокрушенно пожимая плечами:

– Что за ночь такая? Половина монастыря не спит!

Они степенно раскланялись и разошлись в разные стороны. На коридоры братского корпуса опустилась плотная ночная мгла.

## Глава 8

Отец Феона в лазоревом кафтане с горностаевым подбоем стоял в подклете<sup>106</sup> Покровского собора Суздальского Свято-Покровского монастыря, опершись плечом об одну из двух приземистых колонн, деливших помещение старинной усыпальницы почти пополам. На другой стороне крипты, за рядом из семи каменных гробниц собралась небольшая группа людей, пришедших сюда явно не из праздного любопытства. Игуменья Ольга, не обращая внимание на пронзительную ноябрьскую стужу, проникающую в склеп снаружи из-за неплотно прикрытой дубовой двери, неспешно прошла между гробницами княгинь Марии Волоцкой<sup>107</sup> и Евдокии Старицкой<sup>108</sup>. Остановившись напротив отца Феоны, она ударила жезлом настоятельницы по заметно стертой кладке каменного пола и жестом поманила остальных за собой. Невысокий, плотно сбитый князь Иван Иванович Шуйский по прозвищу Пуговка, младший брат сведенного ближними боярами с престола и выданного полякам царя Василия, поеживаясь от холода, решительно пошел первым. За ним пошли остальные: его невестка, бывшая царица Мария с мамкой-кормилицей, держащей на руках плотно спеленатую теплыми одеялами новорожденную царскую дочь, да пара дворовых слуг князя Ивана с масляными светильниками в руках, освещавшими обширный и мрачный подклет собора. Обойдя могилы знатных затворниц, обретших здесь вечный покой, пришедшие сгрудились подле невысокой раки с затертыми до полной нечитаемости словами на каменной плите.

– Кому принадлежал этот склеп раньше? – подозрительно щурясь, спросил князь Иван, водя рукой в тонкой кожаной перчатке по могильному камню.

– Точно не скажу, – холодно ответила игуменья, зажигая свечи в напольном подсвечнике, – было это задолго до того, как я приняла обитель. Ходило предание, будто после того, как царь Василий Иванович постриг в монахини жену свою Соломонию, вина ее в бесплодности, то уже в черницах понесла бывшая царица и родила сына, нареченного Георгием. Говорят, государь Иван Васильевич Грозный басню сию хорошо знал и искал старшего, сводного брата своего. Вот потому и понадобилась Соломонии подложная могила, дабы ищек царя со следа сбить. Так ли то было на самом деле? Не берусь судить. Правды не знаю, а врать не хочу.

---

<sup>106</sup> Устаревшее название цокольного этажа жилой деревянной или каменной постройки, или нижний ярус зданий христианских церквей.

<sup>107</sup> Вдова последнего волоколамского князя Федора Борисовича, племянника Ивана III.

<sup>108</sup> Первая жена князя Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата Ивана Грозного.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.